ЮНОСТЬ
5
1977

SHOUT
SHARE
IT

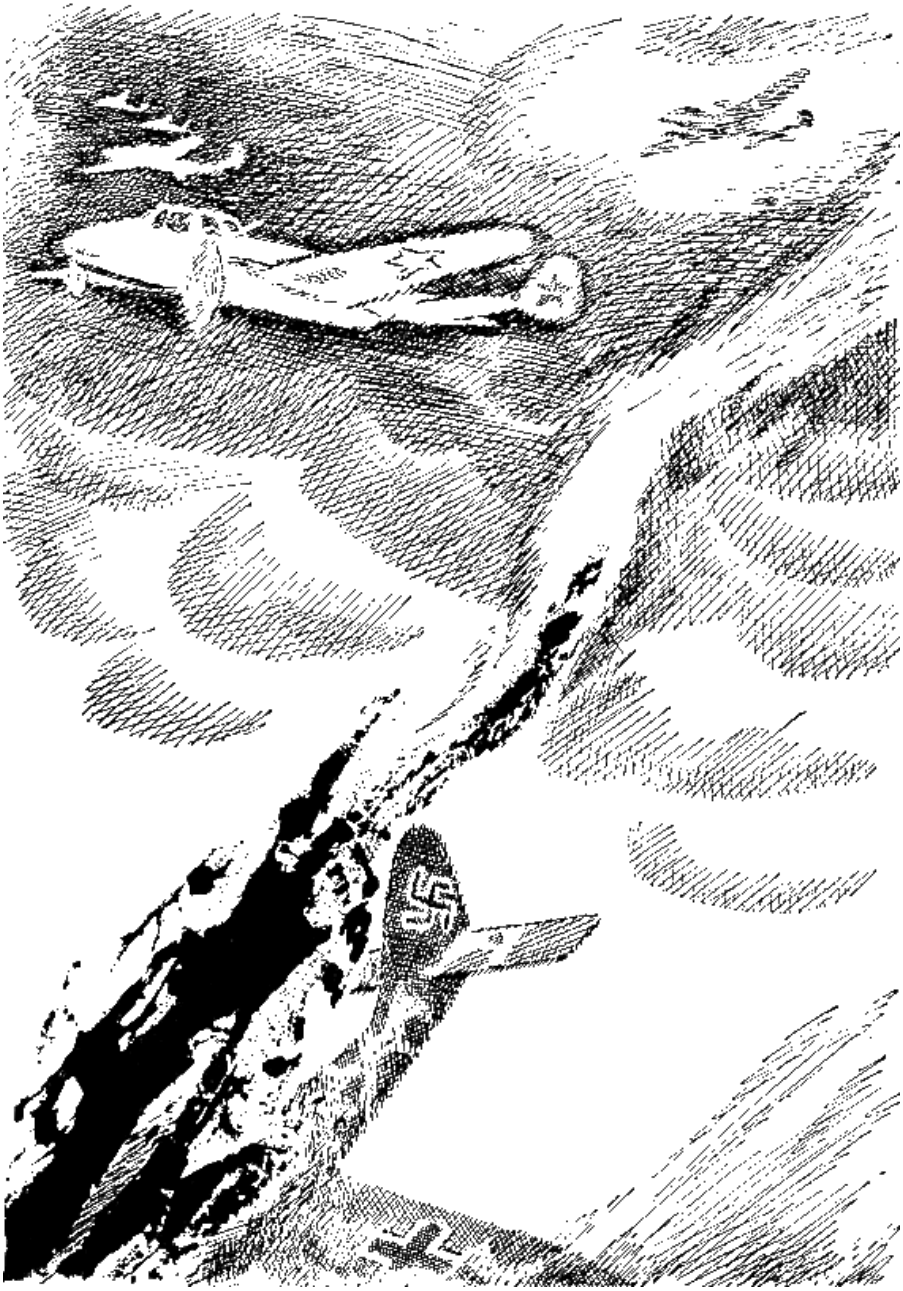
Annotation

Галина Маркова. ДЕВЧОНКИ НА ВОЙНЕ. Документальная повесть

Рисунок Ю. Цишевского

Опубликовано в журнале «Юность», № 5 (264) 1977

- Галина Маркова
  - ДЕВЧОНКИ НА ВОЙНЕ
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8



Галина Маркова

ДЕВЧОНКИ НА ВОЙНЕ
(документальная повесть)

1

Утром, после ночной метели, выглянуло солнце.

Синими искрами сверкает снег, скрипит под полозьями широкой волокуши. Старенький трактор, пофыркивая, тянет волокушу по заметенной снегом дороге, Тесно прижавшись, мы сидим на промороженных бревнах, свесив ноги по краям. Мороз пробирается за воротники меховых комбинезонов, под низко надвинутые ушанки. Время от времени кто-нибудь из девушек соскакивает с волокуши и, проваливаясь в глубоком снегу, бежит рядом. Потом со смехом падает на сидящих позади.

— Ну, разошлись… — ворчит командир второй эскадрильи Женя Тимофеева. — Как телята.

— Не ворчи, Евгения Дмитриевна, настроение хорошее, — пряча улыбку за поднятым воротником, говорит женщина, сидящая рядом с Женей.

— Да ведь, товарищ майор, никакой серьезности нет. Вроде бы и не знают: куда летим, зачем…

— Это ты напрасно. Девчонки еще. Поэтому и смешит любая пустяковина. Вспомни себя в их возрасте. — Майор Раскова искоса взглянула на смеющихся девушек.

Разрезая морозный воздух, низко над полем проносится тройка «ишачков» — истребителей И-16. Коротенькие, словно чурбачки, истребители резко взмывают вверх и, развернувшись, снова идут над нами. Запрокинув головы, мы дружно машем руками. Наверно, это улетают на фронт те ребята, что сидели вчера в столовой. На груди у них блестели ордена, лица почернели от мороза и солнца. Мы смотрели на них с уважением и скрытой завистью: они уже побывали в боях, а мы снова должны перелетать куда-то на другой фронт.

Завтра командир полка майор Раскова летит в Москву за назначением, а пока… Рисунок едем на тракторе в баню. Некоторое время еще слышен гул моторов, потом и он пропадет. Только скрипит снег под полозьями да тарахтит трактор. Смолк веселый смех. Все мы были там, за темной зубчатой полоской горизонта, где скрылись самолеты.

— Хорошая машина… — прерывает молчание кто-то. — Истребители… Одно слово-то какое.

— Вам бы только фр-р, фр-р… — сердито говорит Женя. —

Подумаешь, истребители! У нас что, машина хуже? Лучшая из всех! — Встретившись взглядом со мной, Женя спрашивает: — Ты, небось, тоже в истребители подалась бы?

Я пожимаю плечами:

— Нет, наверно. Не подалась бы.

— Ну, то-то же, — примирительно говорит Женя. — Давай-ка завяжу ушанку, щеки обморозишь.

Она поднимает рукой мой подбородок и крепко завязывает тесемки. Я вижу ее лицо с темными пятнами на промороженных в полете щеках, круглые, как говорит сама Женя, «кошачьи» глаза, теплую усмешку во взгляде, прямой, чуть приплюснутый нос. Чувствую, как мягкие, теплые руки касаются моего лица. Ее никак нельзя назвать красавицей, но есть в ней что-то, что заставляет всех — от рядового моториста до работников штаба — искать ее уважения. Женино лицо всегда строго, редкая похвала скупа, но иногда в ее отношении к рядовым летчикам вдруг сквозит материнская нежность и забота, от которой тепло на сердце.

— Ну вот, теперь ладно, — натягивая перчатки, говорит Женя. — За вами только смотри да смотри. И куда только с такими заморышами на фронт…

Волокуша ныряет в сугробы, заваливается набок на крутых поворотах, и кажется, нет конца и края сверкающей тишине. За очередным изгибом дороги мы неожиданно замечаем темные крыши утонувшей в снегу деревни. Белая улица пустынна, только у рубленой избы, что стоит в конце улицы, виднеется группа женщин. Когда сани подъезжают поближе, одна из женщин — в теплой клетчатой шали — подбегает к нам.

— Девоньки, — голос у нее высокий и певучий, — которая тут из вас Раскова?

Мы переглядываемся в замешательстве.

— А зачем она вам? — соскакивая с саней, спрашивает Женя.

— Да уж больно хотелось нам увидеть ее да поговорить, — запахивая концы шали на груди и оглядываясь на других женщин, словно ища поддержки, отвечает она. — Деревня у нас глухая, а тут слышим: вроде бы она с вами. Вот, — женщина вытаскивает из рукава вырезанный из журнала портрет Расковой, — только по снимку и знаем.

Марина Михайловна, стоя в группе летчиц, ничем не выдает своего присутствия. Только глаза ее — серые, лукавые — весело блестят из-под спущенной на лоб ушанки.

— Да вот она, — подталкивает Раскова Женю. — Вот вам Раскова.

— Полно вам, товарищ командир! Ну какая я Раскова! — Женя громко смеется. — Уж тогда вот она! — И выталкивает из

толпы меня.

— Да молода больно эта-то… — откликается на шутку женщина. — Раскова будто постарше будет.

Марина Михайловна, отогнув воротник комбинезона и сняв перчатку, протягивает руку.

— Будем знакомиться: Раскова.

— Наши-то бабы со всей деревни сегодня в школу придут, — говорит одна из женщин. — Уж вы расскажите нам про ваш полет да о подружках своих.

— Обязательно расскажу, — обещает Раскова, — Обязательно.

…В широком окне, единственном на длинной дощатой стене комнаты видна ослепительно белая огромная луна с желтым ореолом вокруг, и чудится, что это не окно, а полотно картины с неподвижным белым шаром, перечеркнутым темным силуэтом ветки, облепленной снегом. Вечерние сумерки незаметно заполняют комнату, только вокруг широкой печи колышется пятно света, отбрасываемого из раскрытой дверцы.

Вокруг печи деревянные двухэтажные нары поставлены так, что образуют круг, и посредине остается немного свободного места. По вечерам здесь у нас что-то вроде кают-компании, где обсуждаются дневные дела, ведутся споры, читаются стихи.

В дальнем, темном углу комнаты слышен шорох патефонной иглы, скользящей по старой заигранной пластинке.

…На земле весь род людской…

— Ха-ха-ха! — вторит голосу певца высокая девушка с коротким ежиком волос на голове, кружась между нарами с сапогом в руках. Потом она неожиданно останавливается, зажмурив узко прорезанные глаза, приняв позу невозмутимого Будды. Это Саня Вотинцева, штурман нашей эскадрильи, затейница и «местный» поэт. Свободное время ее уходит на перешивание армейских вещей: шинели, гимнастерки, кобуры для пистолета. Теперь она принялась за свои сапоги, придает им «форму и изящество», как она говорит.

— Вотинцева! — слышен голос Жени. — Угомонись! — Вместе с Расковой она сидит у печи на кучке поленьев, сжав лицо руками.

— Не горюй, — говорит Раскова. — Вот буду в Москве, попробую узнать, что с твоими ребятами.

Женя молча кивает головой. Летом, когда полк был еще на переучивании, командир дала ей короткий отпуск, и она была в Минеральных Водах, где оставались ее дети. Но Женя уже не

застала, их. Город эвакуировался, куда-то отправили и ее ребятишек вместе со старенькой бабушкой. Так и прилетела Женя обратно в полк, ничего не узнав о них.

Раскова понимает тревогу Жени: у нее самой в Москве осталась дочка. Но она знает, где ее Таня, у Жени нет даже этого утешения. Днем, в суматохе занятий, командирских дел, полетов, тревога Жени стихала, уходила на второй план. Но в такие вот вечерние минуты, когда дневные эскадрильские заботы остаются позади, она уже не может думать ни о чем другом. Сыну нет еще и двух лет, дочке пошел четвертый год… Где они? Здоровы ли?

— Вот тут они у меня… — Женя обхватывает себя за плечи. — На подготовке, в полете ли — я все время чувствую на себе их руки, они все время со мной. Никуда мне от них не уйти.

Женя грустно вздыхает, поправляя соскользнувшую меховую безрукавку.

— Не помешаю?

Комиссар полка Елисеева садится рядом с Женей и кладет руку на плечо. «Матушка» — ласково называют ее в полку, и, пожалуй, трудно найти другое слово, так точно характеризующее облик и характер комиссара. Мягкостью и добротой наполнены каждый ее жест и каждое слово, ее легко можно разжалобить, и часто она потакает нашим мелким слабостям. Но перед строем полка или на собраниях, когда ей приходится выступать, ее голос звучит твердо и решительно.

— Ты никогда не помешаешь, Лина Яковлевна. Садись, посумерничаем.

Елисеева молча поглаживает Женю по плечу, потом говорит:

— Хочу попросить вас, товарищ командир, вот о чем: сегодня в школе вы рассказывали деревенским женщинам о перелете. Я думаю, что и нашим девушкам полезно будет послушать вас. Когда еще выдастся такой свободный час!

— Да они и так все знают, — пытается отказаться Раскова. — Летчики ведь.

— Нет, нет, — настаивает комиссар, — то все официальные сообщения, а вы расскажите подробнее. Им все мелочи интересны и полезны.

— Вижу, что у меня сегодня будет день воспоминаний, — смеется Марина Михайловна. — Ничего не поделаешь, раз комиссар настаивает, придется подчиниться.

По знаку комиссара девушки собираются в кружок вокруг печки. Кое-кто забирается на верхний ярус нар: отсюда, в мерцающих бликах огня, хорошо видны лицо командира, головы девушек, склонившихся к ней, — темные, светлые.

…Я слышу негромкий голос нашего командира и вижу

бескрайний простор хмурого осеннего неба, затерявшийся между облаками обледеневший самолет. Вижу, как летчики Валентина Гризодубова и Полина Осипенко, сменяя друг друга, вот уже много часов ведут самолет все дальше на восток. Только штурман — наш сегодняшний командир — несет бессменную вахту. Давно уже нет связи с землей: где-то на середине пути, за Красноярском, самолетная радиостанция вышла из строя, и штурману приходится контролировать маршрут только по компасу и часам.

Они летели «вслепую», не зная ни погоды по маршруту, ни точного местонахождения. Толстые, холодные облака не выпускали самолет из плена. Лишь к ночи смогли пробить облачность на высоте около шести тысяч метров. Звезды таинственно и враждебно мерцали в матово-черной глубине неба. Постепенно исчезла корка льда на крыльях — термометр за бортом показывал минус тридцать восемь…

Высунувшись в верхний люк, Раскова пыталась запеленговать хотя бы пару звезд, чтобы уточнить ориентировку, но то, что она делала раньше быстро и четко, сейчас давалось с большим трудом: в жгучем морозном потоке воздуха руки ее в тонких шерстяных перчатках застыли через несколько секунд. Негнущимися пальцами работала она с секстантом, устанавливая уровень и производя отсчет азимута звезд, на глаза ей набегали слезы и мгновенно примерзали к щекам. Время от времени она засовывала пальцы в рот и отогревала их своим дыханием, с отчаянием и враждою глядя на ускользающий блеск звезд.

Наконец, закончив отсчет, она спустилась вниз и задвинула люк. Некоторое время сидела сжавшись, засунув под мышки заледеневшие руки, не слыша голоса командира, что-то сообщавшей ей по переговорочному устройству. Когда унялась противная, холодная дрожь и руки стали снова послушными, она принялась за расчеты. Выходило, что самолет уклонился далеко влево от намеченного маршрута, и теперь появилась новая опасность, более грозная, чем обледенение: горючее могло кончиться раньше, чем они прилетят к месту посадки — Комсомольску-на-Амуре.

Разложив на полу кабины полетную карту, Раскова при свете тусклой бортовой лампочки проложила истинный курс и дала команду изменить маршрут полета. На рассвете они пошли вниз. Под ними серело свинцовое Охотское море. Белые гребни волн плясали внизу под самолетом на пустынном пространстве. Облачность заволакивала изломанный, скалистый берег, где не было видно ни дымка, ни признаков жилья. Только море беззвучно, как в немом кино, бросалось на скалы.

Они взяли курс на Комсомольск. Появилась надежда, что при

попутном ветре, который сейчас дул с востока, самолет долетит к месту посадки. Море уже осталось далеко позади, самолет шел на высоте чуть больше тысячи метров, проплывали внизу падь за падью, раскрашенные грустными осенними красками. Неожиданно на щитке приборов замигала красная лампочка: горючее кончалось. Надо садиться…

Где? Как? Внизу, на многие сотни километров расстилалась тайга. Нельзя было медлить, надо искать место для посадки, пока еще работают моторы. Позже, в спешке, это сделать будет значительно труднее. Командир корабля Валентина Гризодубова решила садиться на болото, которое она заметила в распадке между двумя сопками. Но при такой посадке в первую очередь опасность грозила штурману — ее кабина была в носу самолета, и, чтобы исключить эту опасность, командир приказала Расковой покинуть самолет, выброситься с парашютом…

— Я бы не прыгнула… — слышится шепот Клары Дубковой — штурмана и моей подружки. — Ни за что. — Она широко открытыми светлыми глазами, почти не мигая, смотрит на рассказчицу.

— Прыгнешь, когда командир прикажет, — тихонько отвечаю я. Раскова поднимает голову и встречается взглядом с Кларой.

— Кое-кто, я знаю, не очень-то любит прыгать с парашютом. А ведь в бою это может оказаться единственным шансом, последней возможностью спасти жизнь. Надо будет нам провести тренировки. Как думаешь, комиссар?

— Да, конечно. Только боюсь, что времени у нас не будет, — отзывается Матушка.

— А дальше, Марина Михайловна, что было? — спрашивает Женя.

— Дальше? — Раскова на минуту задумывается. — Затянула потуже ремень да и нырнула в нижний люк.

Раскова щурится от вспыхнувшего в печке пламени, и в глазах ее блестит усмешка.

— Думаешь, с охотой прыгала? Не очень… Так не хотелось покидать самолет, а надо было.

…Сумрачная, осенняя тайга наплывала снизу. Парашют раскачивался, словно гигантские качели. Когда он раскрывался, ее здорово рвануло кверху, так что в своем меховом комбинезоне она застряла на подвесных ремнях и никак не могла подтянуться и сесть, как положено при прыжке. Так и летела вниз с вытянутыми ногами, почти стоя.

Слева, мимо нее, прошел со снижением самолет. С высоты ей был виден тот распадок, где собиралась приземлиться Гризодубова. Но потом порыв ветра понес парашют, распадок

скрылся за спиной, и Раскова приготовилась к приземлению.

С треском ломались тонкие ветви под тяжестью парашюта, стропы захлестнулись на острой вершине дерева, осыпавшаяся хвоя колким дождем падала на лицо. Раскова повисла боком, метрах в двух от земли, с трудом расстегнула замки парашюта и упала вниз. Земля еще покачивалась под ней, и обнаженные, будто обгорелые вершины лиственниц плыли перед глазами. Она села на мягкий бугорок хвои, растирая ушибленную при прыжке ногу. Меховые унты слетели с ног в воздухе, остались только тонкие носки из козьего меха. Подтянула их повыше и стала завязывать тесемки.

Вокруг стояла непостижимая тишина. Временами слышался только шелест парашюта, раздуваемого ветром, как парус. Последние минуты в самолете, прыжок, приземление не давали ей времени ни на какие размышления. И даже сейчас, сидя под лиственницей, с которой все еще неслышно падали хрупкие иглы, Раскова чувствовала лишь неимоверную усталость. После более чем суточного полета, тревог, после изнуряющего холода, донимавшего все эти часы, ей хотелось сейчас закрыть глаза и уснуть. Она с трудом заставила себя подняться. «Надо идти… Надо искать самолет, может быть, там нужна моя помощь».

Мы слушаем рассказ командира затаив дыхание. Сверху рядом с четким профилем Расковой я вижу лицо Жени. Она то хмурится, то нервно потирает руки, то вдруг замирает неподвижно, словно вслушиваясь в каждое слово командира. На лице ее попеременно отражаются тревога и удивление. Изредка, словно про себя, она протяжно произносит: «Ах-ха-ха», — и оглядывает строгими глазами сидящих вокруг.

Перед тем, как тронуться в путь, Раскова проверила пистолет и переложила его из кобуры в грудной карман. Пошарила в других карманах, но, кроме надломленной плитки шоколада, больше ничего не нашла. Аварийный запас еды и одежды остался на борту самолета… «Не беда, — подумала она, — воды тут много, а к месту посадки доберусь скоро».

Ей казалось, что стоит подняться на сопку, у подножия которой она приземлилась, как она сразу увидит самолет. Но когда сквозь сцепленные кусты, перепутанные высокой травой, выбралась на вершину, перед ней открылась бескрайняя тайга — с голыми лиственницами, обвитыми пламенеющими листьями дикого винограда, с зелеными конусами хмурых елей, тайга, то сбегающая вниз по распадкам, то пестрыми пятнами взбирающаяся к вершинам дальних и ближних сопок. Низкие облака почти недвижимо висели над головой.

Она оглянулась вокруг. Вдали, насколько хватал глаз, не

было заметно ничего, что выдавало бы присутствие приземлившегося самолета: сломанных деревьев, белых полос крыльев машины… Серая тишина лежала под ногами.

Ей стало страшно от этой тишины и нахлынувшего вдруг чувства одиночества. Она выхватила пистолет и выстрелила. Сухой щелчок негромким эхом прозвучал над тайгой, потом все смолкло. Хотела выстрелить еще раз, но спохватилась: надо поберечь патроны. У нее было две обоймы — шестнадцать штук. Теперь осталось пятнадцать… Их самолет с экипажем будут искать и, конечно, найдут всех. Но сколько придется ей блуждать по тайге? Она еще раз оглянулась. Если нет самолета в этой пади, то, наверно, они сели неподалеку, нужно только держаться направления в ту сторону, где она последний раз видела самолет. Слева, на дальней сопке, она заметила сосну с раздвоенной вершиной и решила идти напрямик. Уже через несколько минут ей стало жарко: поваленные деревья, заросли дикой красной смородины, высокая, по грудь, трава преграждали ей путь. Тонкие меховые носки быстро стали мокрыми, скользили по прогнившим листьям, ноги в них ощущали каждый сучок, каждый камешек.

Спустившись вниз, она вышла к небольшой речке, петлявшей среди тальника и огромных лопухов. Прошла немного вдоль берега, увидела узкую полоску галечной отмели. Пока она пила, прильнув губами к студеной воде, от которой ломило зубы, пятнистая рыбка с любопытством уставилась на ее руку. «Форель, наверно…» — машинально подумала Раскова.

С этого места сосна с раздвоенной вершиной была хорошо видна, и она пошла дальше, вверх по течению. Скоро речка затерялась в топких, болотистых берегах, и, с трудом перепрыгивая с кочки на кочку, Раскова перебралась через болото и начала подниматься. Идти здесь было легче, но когда она взобралась на сопку, то почувствовала, что силы совсем покидают ее: голова противно кружилась, колени подгибались от слабости.

Но и отсюда, как она ни всматривалась в таежные дали, следов приземлившегося самолета не было заметно.

Прежде чем продолжить путь, Раскова решила отдохнуть. Здесь, на вершине, ей было видно далеко вокруг, и если самолет где-то недалеко, то она сможет заметить его место по дыму костра или вспыхнувшей в небе ракете. А пока ей надо хоть час поспать: шли уже вторые бессонные сутки… Она сняла промокшие «унтята» и положила их рядом с собой. Сунула обе ноги в одну штанину комбинезона и подвернула конец, вытащила плитку шоколада и, разделив на дольки, съела только одну. «Каждый день я буду съедать только по одной дольке, — решила она, — и мне хватит на неделю». Спрятав руку в карман, где

лежал пистолет, и подняв воротник комбинезона, она уснула. После съеденного шоколада снова захотелось пить, но опять пробираться к реке не было сил.

Уже темнело, когда она открыла глаза. Тучи еще ниже повисли над головой, но теперь они неслись, путаясь и обгоняя друг друга. Вверху, покачиваясь, глухо шумела сосна. К ночи идти не было смысла, поэтому она спустилась к реке, напилась, собрала пригоршню смородины с куста и снова поднялась наверх, решив, что лучше переждать ночь здесь.

Суковатую палку, поднятую по дороге, она положила рядом с собой, села, прислонившись спиной к дереву, вытащила руки из рукавов комбинезона, подвернула рукава за спину, и получился неплохой спальный мешок. «Сколько я смогу продержаться? Без огня, без еды? — думалось ей. — Хорошо, что еще не так холодно. Но со дня на день может пойти и снег, конец сентября все-таки… Нас, конечно, уже ищут, уже прошел целый день… Ах, как нескладно все вышло… Почему не хватило горючего? Может быть, и не долили после пробы моторов? А Валя и Полина? Живы ли, посадили ли самолет?» Эти мысли все время кружились у нее в голове. Обиднее всего было то, что весь маршрут они пролетели благополучно, установили рекорд на дальность полета, и вот когда, казалось, все уже позади, не хватило бензина, чтобы сесть в Комсомольске.

Невдалеке треснула сухая ветка, что-то прошуршало по кустам. Она съежилась, сжимая в руке пистолет. Ей послышалось тихое пофыркивание, потом все смолкло. В темноте вдруг ожили звуки, которых она не замечала днем: шелест тайги, протяжный свист ночной птицы, осторожный шорох травы.

— Ужа-ас… — шепчет Клара. — Я бы умерла со страха.

— Страшно было, Марина Михайловна? — спрашивает Женя.

— Не очень-то весело… На третий день, когда я перебиралась не помню уж через какое по счету болото, я провалилась и выбралась, но в болоте остался меховой носок. Пришлось вместо него натягивать на ногу шерстяную перчатку. Обмотала травой, да так и шла… Через неделю я съела последний кусочек шоколада. Все шла и шла, старалась держаться открытых мест, чтобы меня можно было заметить с воздуха. Иногда мне казалось, что где-то за облаками пролетал самолет, я стреляла, но патроны кончались, надо было беречь их.

— Мы очень волновались за вас, — говорит Женя. — Осипенко и Гризодубову нашли быстро, а вас все нет и нет… Каждый день только и спрашивали: не нашли еще? Зато потом, когда вас разыскали…

— Я увидела самолет на девятый день. Сначала я не поверила

своим глазам, но он сделал круг, потом развернулся и опять прошел надо мной, показывая направление, куда я должна идти. Так я вышла к месту посадки самолета «Родина», где меня ждали Полина и Валя.

— Я помню, как вас всех встречали в Москве. Ведь ваш экипаж прославился на весь мир.

— Да, слава… Помнишь, как у Виктора Гусева:

> …и голуби, голуби, голуби
> аплодисментов из рукавов…

Только слава — это не аплодисменты и восхищение. Это ответственность. Думать: сколько для тебя сделано другими, все ли ты до конца выполнил? Стань сам себе строгим судьей, и тогда твое самомнение будет сидеть в темном углу, за крепкой решеткой самокритичности. Вот повоюете, станете вы у меня гвардейцами, ордена появятся у многих, смотрите — не задаваться!

— Ну-у… нет! Не будем! — гудим мы.

— О! — спохватывается Раскова, взглянув на часы. — Давно уже время отбоя прошло. Заговорили вы меня, а завтра рано лететь. Пора отдыхать!

Мы тихонько укладываемся спать, но долго еще перед глазами шумит далекая суровая тайга, висит хмурое небо над сопками, пузырятся топи и болота и видится затерявшаяся в таежных дебрях маленькая женщина…

Женя проверяет, все ли улеглись, и выключает свет. Проходит в коридор, где стоит стол дежурного по полку: ее дежурство кончается сегодня в двенадцать часов. Садится и, развернув тетрадь дежурств, делает заметки. Тихо скрипит дверь, ведущая в комнату, где спят летчицы, и на пороге показывается фигура в белом нижнем белье, но на голове браво надвинутая пилотка.

— Ты куда? — Женя не разбирает в полумраке, кто это.

— Разрешите пройти, товарищ комэск?

— Куда тебе?

— Да… — мнется девушка.

— А пилотка зачем на голове?

— Ну… А вдруг приветствовать придется кого-нибудь.

— Марш отсюда! Чтобы в таком виде мне на глаза не показывалась!

Дверь громко хлопает, а Женя смеется, вытирая глаза рукой.

— Ну, вояки! Господи, выучу я их когда-нибудь?!

* * *

Женя поднимается с рассветом, чтобы проводить Раскову. Командир сначала должна побывать в первой эскадрилье, базирующейся на другом аэродроме неподалеку, а затем улететь в Москву за новым заданием для полка.

Самолеты на стоянке завалены снегом. Изморозь серебряными узорами блестит на винтах. Только площадка у самолета командира полка уже расчищена, и механик с паяльной лампой в руках отогревает моторы. Синие тени дрожат на снегу от шипящего пламени лампы. Потирая щеки шерстяной варежкой, Женя подходит к самолету.

— Все готово, товарищ комэск! — докладывает механик.

Командир полка пикирующих бомбардировщиков Герой Советского Союза Марина Раскова.

— Воду залили?

— Залить-то залили, да все время на прогреве держать надо, — говорит механик, поправляя замасленную шапку припухшими от мороза руками. — Пока довезут, — кивает он в сторону бочки, установленной на полозьях, — уже холодная. А моторы гонять — сколько бензина израсходуешь. Так вот и

крутимся: то моторами греем, то лампой.

— Да, мороз-то зверский. Не забудьте долить бензобаки.

— Заправщик сейчас подойдет.

Женя идет дальше по стоянке. Неподалеку от самолета командира полка стоит еще одна машина. Ровные снежные кирпичи аккуратно сложены вокруг этого самолета полуовалом, и, как показалось Жене, даже сама стоянка подметена: за хвостом машины, там, где находится длинный ящик с инструментом, лежит забытый веник.

«Татьянина машина, — думает Женя, взглянув на номер самолета, — молодец девка. Раньше всех встала, хоть чистить стоянки приказано после завтрака. Молодец…»

Она возвращается, увидев Раскову у самолета.

— Жди приказа, Евгения Дмитриевна, — говорит Раскова, затягивая шлемофон, — и сразу же вылетай к новому месту базирования, не ожидая моего возвращения. Я вылечу с первой эскадрильей.

— Понятно, товарищ командир.

— Следи за погодой, при сомнительных погодных условиях не вылетай. Лучше задержись, тогда уж полетим вместе.

Раскова занимает место в самолете, слышна команда «От винтов!» — и снежный буран бушует позади самолета. Женя отходит к краю стоянки. В открытое боковое окошко кабины ей видна Раскова. Губы ее шевелятся: похоже, она что-то говорит радисту. Потом улыбается Жене и, высунув руку в окошко, машет в сторону. Техник лезет в шасси вытаскивать тормозные колодки.

Женя идет к старту. На укатанной белизне взлетной полосы чернеют полотнища посадочных знаков. Дежурный из стартового наряда в одиночестве притопывает у края полотнища.

Оставляя позади себя глубокий рубчатый след, самолет Расковой выруливает к старту. Винты, словно маленькие радуги, сверкают в морозном воздухе. Взревели с натугой моторы, набирая мощность, закружилась поземка, засыпая черное пятно полотнища. Медленно, словно нехотя, самолет набирает скорость, снежный вихрь, поднятый воздушной струей, скрыл взлетающую машину, гул моторов стал глуше, и только в конце взлетной полосы Женя видит мелькнувший самолет.

2

Наш новый аэродром на левом берегу Волги был просто ровным полем, слегка укатанным катками. Сквозь тонкий слой снега кое-где виднелись песчаные проплешины с кустиками засохшей полыни и каких-то колючек. Грустные верблюды

медленно вышагивали по краю взлетной полосы. Вокруг, до самого горизонта, лежала степь, приглаженная морозными ветрами.

Самолеты ровной цепочкой выстроились в дальнем конце аэродрома. Два деревянных дома, где разместились штаб полка и столовая, да несколько землянок, полузасыпанных снегом, виднелись невдалеке.

Женя рванула промерзшую дверь домика-штаба, и в небольшую комнату ворвалось белое морозное облако.

— С Новым годом! — отряхиваясь у двери от снега, весело сказала Женя. — Опять метет, еле добралась от землянки. С ног валит. Что нового? Командир не вылетела?

— Майора не выпускают из Москвы, погоды нет. Хорошо, что хоть обе эскадрильи «поймали» погоду и перелетели к фронту, — ответила начальник штаба полка капитан Казаринова, подтянутая, небольшого роста женщина, с короткими темными кудрями. — Приказ вот уже пришел, — протянула она листок бумаги, — заняться срочно высотными полетами. Видно, планируют вас в разведчики.

— Начальству виднее, — ответила Женя, — в разведку так в разведку, только побыстрее бы, а то засиделись мы. Летчики летать разучатся.

— Как только установится летная погода, сразу же и приступите. А пока прикажи штурманам эскадрильи заняться изучением района полетов. В первой эскадрилье уже приступили.

Первая эскадрилья и ее командир Надежда Федутенко — слабость капитана Казариновой. Еще бы! В эскадрилье собрались такие летчики! Ольга Шолохова, Галя Лапунова, Саша Кривоногова, Галя Ломанова, вся эскадрилья — опытные летчики из Гражданского Воздушного Флота. Не то что вторая — девчонки из Осоавиахима, хохотушки, не смыслящие ничего в дисциплине воинской и, как казалось начальнику штаба, весьма легкомысленные.

— Хорошо, — ответила Женя. В словах капитана ей послышался упрек. — Завтра с утра займемся районом полетов.

Настроение у Жени испортилось. Она вышла из штаба и по протоптанной в снегу тропинке пошла к землянке, где расположилась ее эскадрилья. Еще издали она заметила какой-то щит, прибитый над дверью землянки. Подойдя ближе, Женя увидела кусок фанеры, на котором алел нарисованный цветными карандашами букет и посредине вилась надпись славянской вязью: «Гостиница „Красный мак“».

— Ну… — только и смогла выговорить Женя, спускаясь по ступенькам, покрытым слоем льда.

При входе комэска девчата, занятые своими делами, встали.

— Чья работа? — сердито спросила Женя.

— Какая? — Катя Федотова, летчик второго звена, смотрела на Женю голубыми невинными глазами.

— Какая, какая! Вон та! Над дверью!

— Моя работа, — ответила Валя Кравченко, штурман эскадрильи. — Девчата попросили, я и нарисовала.

Когда Женя сердилась, она начинала говорить скороговоркой и слегка проглатывать слоги.

— Ты тоже у них на поводу? Попросили! Где это видано, чтобы в армии вывески вывешивали?

— Ну, что ж тут такого… — пыталась вставить слово Катя, но Женя махнула на нее рукой.

— Вот я вам покажу, что ж тут такого! Только и слышу в штабе про вторую эскадрилью. Что случится — где? Во второй эскадрилье. Чей экипаж бортпаек съел? Неприкосновенный запас? А если вдруг вынужденная посадка, или что?

Женя не кричала, только говорила быстро-быстро, немного окая и брови ее колюче шевелились.

— Вывеску придумали! Снять и садиться за карты! Район полетов выучить на память, сама проверю каждого. Ясно?

— Ясно… — нестройным хором ответили девушки.

Зашуршали географические карты. Изредка слышался негромкий спор штурманов, что-то доказывавших друг другу в дальнем углу землянки. Все еще сердито поглядывая на летчиков, Женя разбирала полетные документы. Потом решила идти на аэродром, чтобы узнать прогноз погоды и проверить караул.

— Проконтролируй, — сказала она Вале Кравченко. — Я скоро вернусь.

Валя кивнула и быстро опустила глаза, чтобы Женя не уловила ее взгляда, брошенного на стену у входа. Там висела стенгазета. Это была обычная эскадрильская газета, но только сейчас там, в разделе юмора, красовалась Женя со всем военным снаряжением — противогазом, летным планшетом, низко висящей кобурой пистолета и горящим электрическим фонариком.

Женя сама часто подсмеивалась над тем, что приходится нам носить на себе, но как она примет это сейчас?

У Вали дрожали губы от сдерживаемого смеха, тонкая шея с глубокой ямкой на затылке, в мелких завитках волос напряженно вытянута в широком вороте гимнастерки. Валя незаметно оглянулась и подмигнула нам. У выхода Женя остановилась и взглянула на стену. Заложила руки за спину и стала пристально, покусывая губы, рассматривать рисунок. Мы притихли, делая вид,

что заняты своими делами.

— Со-обаки… — послышалось сквозь короткий смешок. — Придумают…

Порывистый ветер немного разнес облачность, небо посветлело, но временами ветер бросал в лицо остатки снежной крупы с налетевшей тучи. «Погода, кажется, разгуливается, — поглядывая вверх, думала Женя, шагая к аэродрому. — Надо планировать полеты на завтра. Конечно, девчонки молодые — поозоровать хочется, посмеяться, забыть, что война кругом. Да и к дисциплине воинской привыкнуть сразу трудно. Как это Валя назвала четверку с Федотовой во главе? „Галоиды“, что ли? Да, у меня в эскадрилье вся таблица Менделеева, не только „галоиды“, каждый на свой лад, свой характер. А летчики хорошие, старательные… Интересно, а кто же из них хлор, а кто фтор?»

На взлетной полосе, в той стороне, которая ближе подходила к командному пункту, она заметила заруливавший самолет. Видно, он приземлился только что. Окраска самолета была не полковой, да и рулил он неуверенно, точно сел сюда в первый раз.

Женя подошла ближе. Машина была выкрашена под «зимний» камуфляж белыми, замысловатыми пятнами. Она казалась странной и чужой в этой раскраске, словно неведомое существо. Моторы еще работали, и вращающиеся винты «пешки» были похожи на белые, огромные блюдца.

Моторы остановились, с грохотом упала нижняя дверца люка, и из кабины выпрыгнул летчик в шинели и хромовых сапогах. Он стоял к Жене спиной и снимал парашют.

— Не по сезону одежонка-то, — сказала Женя.

Парень оглянулся и застыл от изумления.

— Евгения Дмитриевна?! Это ты?

— Я, — ответила Женя, присматриваясь. Потом всплеснула руками и бросилась к парню. — Савельев! Как ты тут очутился?

Это был летчик-инструктор, с которым Женя летала до войны в Минеральных Водах.

— Да вот пришлось сесть к вам, подзарядиться горючим. Под Сталинград летим, Евгения Дмитриевна, задерживаться некогда. Я ведь тебя ищу сколько времени о ребятах твоих сообщить. Улетел я из Минеральных Вод последним самолетом и ребятишек увез в Чарджоу. А сообщить тебе все никак не мог, не знал, где ты…

— Алешка, дорогой мой, — растерянно всхлипывала Женя, — я ведь и надежду чуть не потеряла. Здоровы ли?

— Все было в порядке, Евгения Дмитриевна, когда я улетал от них. Устроил там прилично, бабушка молодцом держится. —

Алексей притопывал застывшими ногами и растирал побелевшие на морозе щеки.

— Ой, — спохватилась Женя, — что ж ты так-то, налегке? Пойдем, унты тебе раздобуду, ноги отморозишь.

— Некогда, комэск. Это я тебя по старой памяти, а теперь ты кто?

— Тоже комэск, Алеша. В полку Расковой.

— Слыхал о полку. Трудновато приходится? — кивнул Алеша в сторону «пешки». — Машина-то — ого!

— Справляемся. — Женя погладила серый рукав шинели Алексея. — Может быть, встретимся в воздухе, так ты запомни: номер моего самолета — одиннадцать на шайбе хвоста.

— Запомнил, комэск. Ну, а теперь прощай. Главное я тебе сказал. Вот ведь удача — наверно, раз в жизни и бывает такое.

— Спасибо, Алеша. Ты мне сегодня такой подарок сделал, никогда не забуду…

Женя заморгала глазами. И было непонятно: то ли это слезы, то ли запорошило снегом глаза от снежного вихря, поднятого заработавшими моторами.

Самолет взлетел и скрылся в просвете между тучами. Женя долго стояла на безлюдной полосе. Потом глубоко и облегченно вздохнула и пошла к штабу.

«Чарджоу? Где это? Надо посмотреть в штабе, там есть карта Союза. Значит, живы! Вовка вырос, наверно… А Надюша? Уже больше года я не видела их… Не забыли ли меня?! — вдруг заволновалась Женя. — Пошлю им фотографию, завтра же! И деньги надо перевести. Голодно, наверно, там им…»

Вечером в землянке Женя сидела в углу за дощатым столом, подперев щеку рукой, и была такая домашняя, тихая, вся ушедшая в свои далекие мысли. Вспомнила, как приносила бабушка на аэродром маленькую Надюшку и Женя, выбрав несколько свободных минут в перерыве между полетами, уходила за стартовую будку и там кормила дочку, чтобы не видели курсанты-летчики. Гудели над головой самолеты, теплый ветер трепал траву, дочка, устав от еды, засыпала.

Вспомнила, как повисли ребятишки у нее на шее в тот последний день, когда она уезжала в полк, на фронт. Как сын все карабкался, отталкивая сестру, по коленям Жени, пока не забрался на ее спину.

И «похоронку» вспомнила. Она получила ее весной сорок второго… «Ваш муж…» — начиналась она словами. А дальше были темнота, отчаяние, непоправимость… Она ушла в тот день за аэродром, далеко в поле, чтобы никто не видел ее слез…

В углу, у кучи сваленного летного обмундирования,

шептались девчата, перекладывая свои вещевые мешки. В другом углу, на нарах, неразлучная четверка — Катя Федотова, Тоня Скобликова, Саша Егорова и Маша Кириллова читали помятую фронтовую газету.

Я наблюдала, как Клара Дубкова укладывает свой рюкзак.

— Ну, чего тебе? — спросила она.

— Дай косу примерить.

Коса у Клары на редкость. Светло-русая, в руку толщиной. Когда она пришла к парикмахеру, чтобы постричься, тот в немом отчаянии опустил руки: «Не могу… такую косу…» «Да режьте поскорей, — чуть не плача, сказала Клара. — Приказ командира, как же я в строй стану?!»

С тех пор коса Клары лежала в вещевом мешке.

— Ты хохол свой сначала причеши, торчит на макушке, как у петушка.

Я пригладила, вихор и дважды обмотала голову косой Клары.

— Хорошо… — раздались голоса «галоидов», — Теперь бы платье.

Платьев ни у кого из нас не было. Мы давно уже забыли легкость и прохладу наших довоенных платьев.

— Ну-ка, примерь вот… — послышался голос Жени. Она раскрыла свой единственный на всю эскадрилью чемодан и достала что-то яркое, воздушное, цвета весеннего солнца.

— За таким платьем все модницы в Сочи бегали, — сказала Женя.

Путаясь в портянках, я побежала к Жене и бережно взяла платье. Оно ярко-желтое, солнечное, с черной шнуровкой от ворота до края подола. Внизу шнуровка заканчивалась двумя тяжелыми кистями.

— Я тоже хочу померить! И я! И я! И мы! — хором закричали «галоиды».

По очереди примеряли мы платье, расхаживая вокруг печки, и нам казалось, что в этот вечер нового, 1943 года в нашу темную, заваленную снегом землянку пришла весна. Потом мы бережно сложили и спрятали платье.

— Красиво-то как… — вздохнул кто-то.

* * *

Метель гуляла по Заволжью еще два дня. Расчищенные с утра стоянки самолетов к вечеру заносило снова. С сумерками мы возвращались с аэродрома в свои землянки взмокшие, усталые от бесконечной, казалось, борьбы с ветром и снегом.

Потом непогода ушла на восток. Выглянуло солнце — холодное, будто начищенное зимними ветрами. Аэродром ожил, зарокотал, Струи воздуха от работающих моторов сдули остатки снега, и только изморозь серебряным панцирем искрилась на крыльях самолетов.

Поглядывая на все свысока, верблюды развозили по стоянкам горячую воду в бочках, установленных на санках. Техники подтаскивали кислородные баллоны, заправляли бортовые системы, готовили самолеты к полетам на высоту. Под капотами моторов гудели печи для подогрева.

— Давай, давай, поживее! — покрикивала Женя, шагая от самолета к самолету, неуклюже косолапя ногами по рыхлому снегу. — День короткий, времени мало. Надо успеть всем сегодня слетать.

Задание на полет было несложным: подняться на пять — шесть с половиной тысяч метров, проверить кислородное снаряжение в работе, выполнить элементы пилотажа в зоне. В следующие дни планировались полеты на высотах шесть и семь с половиной тысяч.

Женя вылетела первой, чтобы потом, после посадки, рассказать летчикам о поведении машины на высоте, о приемах пилотирования, о тех неожиданностях, которые подстерегают летчика в таком полете.

На высоте около двух тысяч она сделала «площадку», термометр за бортом показывал около минус тридцати, потом снова перевела самолет в набор высоты.

Когда она вышла на пять тысяч метров, аэродром внизу почти скрылся в туманной морозной дымке. Крохотные коробочки домов едва просматривались. Заснеженное русло Волги, изгибаясь, тянулось к югу, и там, в той стороне, где должен быть Сталинград, ползла по земле черная пелена. По левому берегу реки блестело на солнце озеро Эльтон, и Женя, выйдя на него, развернулась обратно.

Кислородная маска, с бахромой инея по краям, мешала, холодила щеки. Временами Женя отпускала сектор газа и смахивала с лица налипший иней.

Валя Кравченко вертелась позади нее, за бронеспинкой, наклоняясь то влево, то вправо, примечая ориентиры. Кислородная маска тоже закрывала ее лицо с веселыми лучиками морщинок в уголках глаз.

— Видела? — кивнула Женя в сторону скрытого дымом Сталинграда.

Валя повернулась назад и отвела в сторону пулемет. Далеко внизу, за хвостом самолета, еле угадывались очертания

разрушенного города.

— Люди воюют, а мы тут воздух «утюжим», — услышала она приглушенный маской голос Жени. — Кому нужна сейчас эта высота… Горючее только зря переводим.

— Ты не ворчи, Женя. Тренировки на высоте тоже могут пригодиться когда-нибудь.

— Вот то-то и дело, что когда-нибудь. — Женя похлопала замерзшей рукой по коленке. — Ну, что ж, полезем еще повыше.

Самолет медленно, будто нехотя, набирал высоту. Монотонное, успокаивающее гудение моторов, стертая, притуманенная линия горизонта, переходящая в заснеженную равнину, почти неподвижную, на которой не за что было уцепиться взглядом, словно самолет повис в одной точке огромного пространства неба, вызывали расслабленность и сонливость. Женя временами слегка встряхивала штурвалом, чтобы сбросить с себя и, ей казалось, с самолета тоже эту сонливость.

Стрелка высотомера перевалила за шесть тысяч метров. Самолет вошел в зону пилотажа, и Женя, сделав попеременно два левых и два правых виража, перевела машину на «боевой разворот». Она слегка убрала сектор газа и отдала штурвал от себя. Самолет легко понесся вниз, и в одно из мгновений, когда скорость подошла к четыремстам километрам, она ввела самолет в набор высоты, разворачиваясь на сто восемьдесят градусов.

Все шло, как обычно при пилотаже, только замедленная реакция самолета на движение рулей заставляла ее сдерживаться, ждать. Уже на самом выходе из боевого разворота, когда самолет снова выскочил на шесть тысяч метров, винт правого мотора вдруг «завыл», что среди летчиков называлось просто — «раскрутка». Она изменила шаг винта, прислушиваясь, как стихает «вой».

— Взбесился прямо мотор, — стаскивая маску с лица, сказала Женя. — Неприятная штука.

— А я подумала: чего это он так загудел? — складывая маски в мешок за бронеспинкой, ответила Валя. — Ужас… — тоненьким голосом повторила она. — Вроде теперь все в порядке.

— Порядок. Только летчиков надо предупредить. Тяга на моторе сразу падает, не растерялись бы.

Заходя на аэродром, Женя подумала, что три главные вещи должна внушить своей «таблице Менделеева»: следить за оборотами моторов, чтобы вовремя предупредить «раскрутку» винтов, не переохлаждать двигатели при спуске с высоты, не торопиться при пилотаже: «нервный», мгновенно реагирующий на любое движение рулей самолет, на высоте превращался в

«лентяя».

Аэродром набегал внизу накатанной блестящей полосой. Мелькнул черный квадрат посадочного полотнища, шасси легко коснулись земли. «Кажется, села прилично — небось, там все смотрят, как комэск села. Вот вам… А снег рыхлый, укатали неважно, надо не забыть предупредить, чтобы при посадке не тормозили резко, на „нос“ можно стать…»

Полеты уже заканчивались, и Женя, проследив за посадкой последней машины, пошла в штаб, чтобы доложить об итогах летного дня. Она надеялась, что уж сегодня замечаний в адрес эскадрильи не будет: задание все летные экипажи выполнили, посадки у всех были приличные, хотя дымка к полудню увеличилась и заходить на аэродром стало труднее.

— Ну вот и день закончился! — весело сказала Женя, войдя в комнату штаба. — Отлетались сегодня все без происшествий!

Она сняла шлем и бросила его на скамейку у стены, расстегнула комбинезон и принялась стаскивать рукава. Но на ее возглас и такой не «воинский» доклад начальник штаба полка капитан Казаринова не обратила внимания. Она стояла у окна спиной к Жене и нервно мяла в руках какую-то бумагу. Ее заместитель Катя Мигунова при виде Жени уткнулась лицом в разостланную на столе карту.

Женя недоуменно застыла, забыв стащить второй рукав.

— Что случилось?

Капитан Казаринова медленно повернулась к ней, протянула листок. Насколько могла сразу сообразить Женя, это была телеграмма, принятая по телефону и записанная от руки. Взгляд бежал по строчкам, перескакивал через цифры… номер… входящий… число… приняла… пока не замер на строке, показавшейся ошибкой, абсурдом…

> «4 января при перелете к месту базирования полка попав в сложные метеорологические условия в районе Саратова потерпел катастрофу самолет майора Расковой… Экипаж погиб…»

— Не может быть… — Женя опустилась на скамейку и сжала лицо руками. — Тут какая-то ошибка.

— Нет, к сожалению… — Лицо начальника штаба было суровым и бесстрастным. Только руки, крепко сжимавшие туго затянутый ремень так, что побелели суставы пальцев, выдавали ее волнение.

«Это тогда, — с болью думала Женя, — два дня назад, наверно, когда мела метель… Как же так, что же будет с нами?»

— Завтра комиссар улетает в Москву, на похороны

командира. Личному составу приказано продолжать тренировки, готовиться к боевой работе. Командование полком приказано принять тебе.

— Мне? — растерянно переспросила Женя. — Я полк не приму.

— Это почему же?

— Не буду принимать полк, — упрямо повторила Женя.

Чтобы она, Женя Тимофеева, смогла заменить Раскову? Сейчас, когда начинается боевая работа? Командира, который был примером для всех летчиков не только в военном понимании? Правда, у Жени есть летный опыт, командовала эскадрильей еще до полка, сотни ее учеников воюют сейчас на фронте, но полк… руководить командирами, у которых за плечами военные академии? Да ведь она неграмотная по сравнению с ними.

— Не будем спорить сейчас, не время, Евгения Дмитриевна. Прикажи выстроить полк.

* * *

— …Клянемся пронести имя нашего командира через все бои… — высоким голосом говорила комиссар перед выстроившимся полком. — Клянемся в предстоящих сражениях заслужить звание «гвардейцев»… Клянемся быть храбрыми и мужественными…

— Клянемся… — шептала Женя, застыв в скорбном строю.

3

Уже несколько дней мы жили в глинобитной хатке на краю деревни. Мы перелетели сюда, на полевой аэродром, поближе к линии фронта, и завтра должны идти на первое боевое задание.

Молодая женщина с грудным ребенком да ее старушка-мать приютили нас в своем домике — в комнатушке, двери которой выходили прямо во двор, обнесенный редкими прутиками тальника. Клара Дубкова, ее радист Тоша Хохлова и я спали на узком деревянном сундуке у обледенелого окошка. Как нам это удавалось — трудно сказать, но Тоша жаловалась, что за ночь у нее к стене примерзал бок.

Связки полыни лежали у двери, и в комнате чувствовался горьковатый степной запах. Полынью мы топили печь. Сегодня моя очередь присматривать за огнем, его надо поддерживать всю ночь. Но топлива мало, и я понемножку подкладывала небольшие

кучки хрустящих веток на горку тлеющего пепла. Полынь жарко вспыхивала, через несколько секунд поржавевшие бока печки накалились докрасна, и тепло растекалось вокруг. На лице у спящей Тоши появилось блаженное выражение. «Небось, плюшки снятся…» — усмехнулась я про себя.

…Сегодня вечером, едва закончилась предполетная подготовка и мы уже складывали карты, чтобы идти отдыхать, как в комнату эскадрильи вошла Женя.

— Ну, галоиды-галогены и вся таблица Менделеева, вот вам!

Мы застыли в немом изумлении, а Женя, улыбаясь во весь рот, торжественно поставила на стол большую плетеную корзину со сдобными булками.

— Вот это да-а… — Тоша даже присела на край дощатых нар.

Еды нам всегда не хватало, да и была она скудной. Перловая каша с конопляным маслом порядком надоела, а тут такая роскошь!

— Откуда, комэск? Может быть, посылка?

— Ну, какая посылка с булками?! Я сегодня была на собрании в соседней деревне, доклад там делала. Вот, пока я говорила, женщины подарок всем вам приготовили. — Женя присела у стола и вытерла ладонью мокрое от растаявшего снега лицо. — А чтоб никому не было обидно, разделим по-брат-ски: брату побольше, себе поменьше. — Женя снова рассмеялась и, оглядываясь вокруг, вдруг повернулась ко мне: — Вот ты давай и дели! Только честно, а то подружек у тебя много.

Я уселась на нары и поставила корзину к себе на колени. Булки разные: побольше, поменьше — и пахли они домом, праздником, покоем. Я даже задержала дыхание, чтобы продлить это наслаждение.

— Кому? — выбрав самую большую и румяную булку, спросила я. Все отвернулись в сторону, а Тоша крикнула:

— Жене! Комэску!

— Нет, нет! — запротестовала Женя. — Я уже свою съела по дороге.

— Женя, бери! — подскочила к ней ее штурман Валя. — Ты ведь неправду говоришь, не ела ты.

— Ела, тебе говорят, — притворно сердилась Женя. — Не булку, так другое. Вот ведь базар устроили.

— Не придумывай, Женя. Честно так честно! — не отставала Валя и спрятала булку в карман Жени.

Дальше раздача пошла быстро, корзина опустела, и, наконец, на дне ее осталась последняя булочка. Никто не кричал, кому она предназначена, — она моя. Я взяла ее в руки и разглядывала со всех сторон. Мне не хотелось ее есть — жалко. Такая красивая,

мягкая плюшка!

— Ешь, заморыш! — Женя ласково потрепала меня по голове. — Ешь, а то уже на твою булку поглядывают, — шутливо добавила она.

Я вздохнула и откинулась спиной к стене. Закрыв глаза, тихонько жевала. Невероятно вкусная булка!

* * *

Женя проводила звено Маши Долиной и осталась на старте. Самолеты, поблескивая на солнце, разворачивались плавной дугой над дальним краем аэродрома. Летчики уходили в боевой вылет на Сталинград.

Вылет должен продлиться немногим больше часа, и она решила ждать здесь, на старте, возвращения экипажей. Вчера она уже летала сама, правда, в качестве рядового летчика в составе другого полка, чтобы узнать, где и как расположены цели, порядок захода и другие задачи, которые необходимо знать командиру полка, — ей приказали принять полк до назначения нового командира. Сегодня в первом вылете с ней летали командиры звеньев, теперь они сами пошли на бомбометание.

Она пока не ощутила большой разницы между обычным тренировочным полетом и вылетом на боевое задание: истребители противника не появлялись, редкие темные шары разорвавшихся зенитных снарядов плыли в вышине тихо и, казалось, безобидно, медленно расползаясь по блеклому небу. Только квадраты почерневших от пожаров пустых коробок сгоревших домов заставляли сжиматься сердце, а руки точно, сантиметр за сантиметром, повторяли движения ведущего самолета.

Под фюзеляжем висели не тренировочные цементные бомбы, а боевые «фугаски», на первый раз только четыре «сотки». После того, как самолет подбросило и бомбы сорвались с бомбодержателей, ей очень захотелось взглянуть, куда они упали, но она только спросила Валю:

— Ну, как там?

— Точно, — коротко ответила Валя, разворачивая прицел, через который она наблюдала за полетом бомб, и закрепляя его в «гнезде».

— И еще сапог летел с какого-то самолета, — добавила Валя.

— Вот я им покажу сегодня на разборе полетов, как машину готовить. Срам!

После посадки Женя не стала выяснять, чей сапог упал из

бомболюков. Вылет прошел, и «проработку» она решила оставить на вечер, когда будет подводить итоги дня. Мы заметили, что она чем-то недовольна, хотя как будто бы нас упрекнуть было не в чем: шли в строю хорошо, отбомбились тоже. Сапог мы, конечно, тоже заметили, но помалкивали. Сейчас, ожидая возвращения экипажей, Женя нет-нет, да и вспоминала об этом злосчастном сапоге.

«Осмеют ведь на всю дивизию, если кто из другого полка заметил. А в штабе скажут: опять вторая эскадрилья. Кто бы это мог быть? Не сознаются ведь…»

Мороз все еще держался около тридцати, и Женя натянула меховые перчатки, висевшие на шнурке, пропущенном под воротник. Иногда она приоткрывала дверь в машину — радиостанцию и спрашивала радиста:

— Как там?

— Тихо, — каждый раз отвечал радист.

Тихо… Значит, все в порядке. И она снова принималась шагать вдоль взлетной полосы.

Гибель Расковой она все еще не могла осознать и пережить. Она никак не привыкала к мысли, что не увидит рядом с собой у пылающего огня задумчивое лицо командира, не услышит ее мягкий голос. Перед глазами стоял еще тот день, когда Раскова махнула рукой и взлетела. Кто бы мог подумать, что Женя видела ее улыбку в последний раз…

«…А летала она хорошо, — думала Женя, поглядывая в ту сторону, откуда должны были появиться самолеты с задания, — хоть была только штурманом и вылетела на „пешке“ вместе с остальными летчиками. Это ведь не так просто, по себе знаю… А как тогда она посадила машину, во время первого самостоятельного вылета, когда у нее на самолете сдал один мотор? Не растерялась, на одном работающем моторе приземлилась на таком „пятачке“… Не каждый смог бы. И вот из-за погоды…»

Женя вздохнула и круто повернула к радиостанции.

— Что там? — спросила она радиста. — Отбомбились?

— Да, товарищ командир. Возвращаются. Только Долина передает, что на машине номер тринадцать неисправно шасси, не убралось.

«Тринадцатая? Да ведь это номер Матюхиной», — вспомнила Женя.

— Передай тринадцатому, чтобы выпускали шасси аварийно и садились последними. Понятно? Если шасси не выйдут, садиться на фюзеляж.

— Понятно, товарищ командир. Связываюсь.

«Вот тебе, на тебе… этого еще не хватало…» Она с раздражением стащила запутавшийся за воротник шнурок, дернула и швырнула перчатки под колеса автомашины, Сутулясь в мешковатом меховом комбинезоне, быстро прошла к дежурному стартеру и схватила у него флажок.

— Проследи, чтобы никто не сунулся на полосу, быстро!

Машину с неубранными шасси она заметила сразу, как только тройка самолетов показалась над аэродромом. Одно колесо, как подбитая лапка у птицы, смешно и необычно торчало под мотором.

Она яростно замахала флажком первому приземлившемуся самолету, показывая, чтобы тот быстро уходил с полосы на рулежную дорожку. Когда сел второй самолет и покатился в сторону стоянок, Женя бросила флажок в сторону и, запрокинув голову, стала следить за «пешкой», которая круг за кругом ходила над аэродромом. Правое шасси вышло нормально, насколько могла заметить Женя, а левое все так же оставалось полусогнутым.

Она взглянула на часы. По расчету, горючего на самолете должно хватить еще минут на пятнадцать; надо сажать самолет, чтобы не пришлось Зале уходить на второй заход с пустыми баками, если вдруг не рассчитает правильно заход на посадку с первого раза. Сажать только на фюзеляж, риск будет меньшим, чем если бы летчик решил сажать машину на одно колесо. Хотя поломка, возможно, и будет большей…

— Передай приказание: убрать шасси, садиться на фюзеляж! — снова крикнула Женя радисту.

Когда самолет вновь прошел над посадочной полосой, шасси оставались выпущенными. Он развернулся и стал заходить на посадку.

— Ты передал мое приказание?

— Да, товарищ командир. Командир экипажа ответила, что будет сажать самолет на одно колесо, — ответил радист.

— Вот со-обака… — тихо, чтобы радист не услышал, сказала Женя и застыла на месте, не спуская взгляда с самолета.

— Круче, круче… — приговаривала она про себя. — Так… скорость держи, скорость! Закрылки выпустила. Хорошо… Крен побольше… Крен, тебе говорят!.. — крикнула Женя, как будто летчица могла услышать ее.

Самолет планировал уже на прямой перед приземлением, и было слышно, как гул моторов, повинуясь руке летчика, то стихал, то вдруг нарастал; летчица «подтягивала» машину, выдерживая посадочную скорость. «Пешка» шла с левым креном, словно прицеливаясь одним колесом к границе посадочных

знаков.

— Не плюхнулась бы… Второе шасси не выдержит, сломается… Ниже подводи, ниже!

Самолет чиркнул колесом у самого черного полотнища и понесся мимо Жени, взметая колючий снежный вихрь. Будто канатоходец, расставив руки-крылья, бежал он, как по проволоке, на одном колесе в конец посадочной полосы. Следом за ним, задыхаясь и грозя кулаком, бежала Женя.

В конце аэродрома, потеряв скорость, самолет накренился вправо и, описав полукруг, замер.

Экипаж уже вылез из машины, когда к ней подбежала Женя.

— Почему не выполнили мое приказание? — еле переведя дыхание, проглатывая в скороговорке слоги, крикнула Женя. — Вам что было приказано?

— Так жалко же машину… — пыталась оправдаться Матюхина. — Я же хорошо посадила… — Улыбчивые ямочки на побледневших щеках стали еще глубже. Серые глаза с надеждой и ожиданием следили за Женей.

— Посадила… А чем рисковала? Самолет в дым, сам невредим? Или и своей головы не жалко? Аварийным выпуском работали?

Штурманы второй эскадрильи. Слева направо: Галя Маркова, Клара Дубнова, Аня Кейзина, Валя Кравченко, Паша Зуева.

— Качала… — подала свой голос штурман Паша Зуева. — Четыре круга качала, вторая «нога» никак не выходила.

«Покачать» вручную аварийный гидровыпуск шасси не очень-то легко; видно было, что Паша устала, мокрые волосы выбились из-под шлемофона, но она словно бы чувствовала неловкость перед комэском, что не смогла «качать» еще, как будто бы в этом была необходимость.

— Понятно, — успокаиваясь, сказала Женя, — значит, неисправность. Но в таких случаях самое безопасное — посадка на «брюхо», это вы помните?

— Конечно. — Валя посмотрела на завалившийся набок самолет. — Но ведь поломка была бы большей?

Как летчик, Женя понимала Валю: всегда хочется сделать все, чтобы спасти машину, тем более сейчас, когда самолетов не хватает и даже запасных в полку нет. Но как командир…

— На гауптвахту за невыполнение приказа; за посадку — благодарность.

Глаза у Вали стали, как у ребенка, которого незаслуженно обидели.

— А как же боевые вылеты?

— Интересно, на чем вы собираетесь лететь? На палочке? Чтобы я отобрала машину у другого экипажа? Не получится… Самолет оттащить с полосы, чтобы не мешал другим на посадке. Все. — Женя повернулась и направилась на командный пункт полка, чтобы написать донесение о поломке.

На следующий день с рассвета эскадрилья была уже в воздухе. Район бомбометания оставался прежним — тракторный завод, но цели переместились в центр, наши войска сжимали кольцо окружения врага. Как и накануне, вылет прошел спокойно, и Женя, разворачиваясь после бомбометания, подумала, что это в общем-то неплохо: экипажи научатся спокойно разбираться в целях в воздушной обстановке. Перед вылетом она дала задание всем стрелкам-радистам и штурманам подсчитывать и определять типы самолетов, замеченных в воздухе над целью.

— Чтобы не зевали в воздухе, а видели все, что вокруг делается, и были готовы к отражению атаки истребителей противника в любой момент полета, — говорила Женя на предполетной подготовке.

Самолет Вали Матюхиной, который вчера оттащили трактором к краю полосы, мелькнул рядом, когда Женя заходила на посадку. Холод донимал, и она торопилась побыстрее зарулить и хоть немного отогреть руки у костерка, предусмотрительно разложенного механиком поодаль от стоянки.

Едва она выбралась через нижний люк, как техник самолета, не дожидаясь обычного доклада летчика о работе моторов и приборов, сказал:

— Новый командир полка прилетел.

— Да? — Женя забыла о костре сразу. — Где же он?

— А вон там, по стоянкам ходит. И за посадкой наблюдал.

«Самолет-то поломанный не оттащили подальше, — подумала Женя. — Прилетел, а тут тебе подарок сразу. Показали

себя… Идти докладывать или здесь подождать? Пойду, наверно…»

Женя медленно, собираясь с мыслями, двинулась в ту сторону, где она заметила командира. Он шел ей навстречу, похлопывая прутиком по голенищу сапога. Высокий, худой, в перешитой солдатской шинели и низко надвинутой шапке-ушанке, исподлобья он посматривал вокруг.

— Товарищ… — Женя взглянула на петлички шинели, — … майор, исполняющий должность командира полка и командир второй эскадрильи старший лейтенант Тимофеева. Полк возвратился с боевого задания.

— Майор Марков, — сухо представился командир. — Чья это машина? — кивнул он в сторону самолета Вали.

— Самолет второй эскадрильи. Летчик сажала машину вчера на одно колесо.

Командир полка ничего не сказал. Медленно, все так же похлопывая прутиком, пошел дальше вдоль стоянки. Женя пошла рядом с ним.

«Хоть бы спросил, как случилось… — с раздражением думала она. — Штык какой-то, а не командир».

У следующей стоянки новый командир полка обошел вокруг самолета, разглядывая его так, как будто бы видел «пешку» впервые. Заглянув в кабину стрелка-радиста, подвигал нижним пулеметом.

— Кто на самолете мастер по вооружению?

— Оружейника сюда! — крикнула Женя.

Подбежала девушка-сержант. Ее круглые щеки горели пунцовым морозным румянцем. Ватные брюки заправлены в огромные стоптанные валенки, она все топталась, никак не могла поставить ноги, как следует при отдаче рапорта: пятки вместе, носки врозь.

— Я!

— Не «я», а надо докладывать, как положено, — тихо заметила Женя. — Сколько раз говорить надо?!

— Пулемет давно чистили? — спросил командир полка, показываясь из-под самолета.

— Сегодня чистили.

— Он у вас откажет в воздухе, густо смазан для такого мороза.

Щеки у сержанта стали такими, что от прикосновения к ним загорелась бы спичка. На глаза навернулись слезы, и она прикрыла их промасленной байковой рукавицей.

«Ну, вот теперь совсем меня зарезали сегодня, — подумала Женя, — не хватало только слез, а так уж полный порядок. Майор

решит, что попал не в боевой полк, а в детский сад». Но майор, искоса взглянув на сержанта, пошел дальше, изредка подергивая головой.

— Вечером собрать в штаб командиров звеньев и эскадрилий, — внезапно останавливаясь, сказал майор. — Поговорим обо всем. А пока можете быть свободны.

— Слушаюсь… — не очень бодро ответила Женя.

* * *

Вряд ли командир полка догадывался, кому и чему он обязан тем, что вдруг, так неожиданно он оставил свой боевой полк и попал сюда, в часть, которая только начинала боевые действия, да притом в часть необычную, где летный состав — девушки.

Несколько дней назад его вызвали в управление кадров Военно-Воздушных Сил. Шагая по длинному коридору управления, он недоумевал по поводу такого экстренного вызова.

Кажется, в полку у него все шло хорошо. После боев на Южном фронте сейчас полк получал новые самолеты и сразу же должен был отправляться в новый район боевых действий.

В кабинете у начальника он подождал минуту, пока генерал, занятый бумагами, освободится.

— Майор Марков прибыл по вашему вызову.

Генерал внимательно посмотрел на него.

— Как дела в полку?

— Полк получает новую материальную часть, товарищ генерал. Под Барвенковом мы много машин потеряли.

— Я слышал, вы тоже были сбиты?

— Да, товарищ генерал. Недавно возвратился из госпиталя.

Генерал немного помолчал.

— Вы, конечно, слышали о гибели Расковой?

— Да, товарищ генерал.

— Что вы думаете, если мы назначим вас командиром этого полка?

Майор Марков недоуменно развел руками.

— У меня же есть полк… И как я ими буду командовать? Женщины все-таки?

— Так же, как командовал раньше. Кстати, приказ уже подписан.

«О чем же тогда говорить, — подумал майор. — Приказ не перечеркнешь».

— Вы согласны? — спросил генерал.

— Мне ничего больше не остается, как согласиться.

— Ну, вот и хорошо. Здесь сейчас два экипажа из полка, с ними и вылетайте. Вы справитесь, — поднимаясь из-за стола, сказал генерал. — Летчики там хорошие. Желаю успеха.

— У меня к вам просьба, товарищ генерал.

— Да?

— Разрешите взять с собой мой экипаж. Мы летаем вместе с начала войны.

— Ну что ж, — подумал генерал, — возьмите.

Майор молча козырнул и вышел из кабинета.

«Вот это попал! — думал он, направляясь к выходу. — Ума не приложу, как это все вышло».

* * *

— Что, Марков, новое назначение получил? — спрашивали его знакомые летчики. — В какую часть?

— Не спрашивайте, в женский полк, вместо Расковой…

— На «пешках»?! Не завидуем!

Майор видел в одних глазах сожаление, в других ухмылки, и ему становилось все досаднее.

А дело обстояло просто. Все решил случай.

После похорон Расковой комиссар полка Елисеева вместе с летчиками Галей Лапуновой и Любой Губиной решили пойти в Управление кадров, чтобы узнать, кто будет назначен вместо Марины Михайловны.

— Летчики рвутся в бой, товарищ генерал, — убеждала Елисеева. — Нам нужен командир немедленно.

— Вот, — раскладывая на столе папки личных дел, сказал генерал, — здесь те командиры полков, которых я сам бы рекомендовал. Но у меня сейчас дел сверх меры. Посмотрите сами и выбирайте.

Они просматривали папки с личными делами, вглядываясь в чужие лица, пока Люба Губина не сказала:

— Давайте возьмем вот этого.

С фотографии, вложенной в личное дело, на них смотрели серые холодные глаза под насупленными бровями. На гимнастерке блестел орден Ленина.

— Воевал уже, — словно оправдываясь, говорила Люба, — на «пешках» — это ведь для нас главное. А Марину Михайловну кто может нам заменить…

— Будь по-вашему, — сказал генерал. — Завтра будет приказ.

Так и решилась судьба неизвестного им майора.

* * *

…Вечером в штабе собрались все командиры. Комэски доложили о составе эскадрилий, о выполнении боевых заданий. Новый командир слушал их доклады молча, набросив на плечи шинель.

— А говорили, у него орден, — прошептала Катя Федотова на ухо Маше Долиной. — Не видно что-то…

— Есть. Люба знает точно, — ответила Маша.

Услышав шепот, Женя оглянулась и посмотрела на них сердито.

— Начнем с дисциплины, — сухо заметил командир полка, когда командиры эскадрилий закончили свой доклад. — И с летных тренировок.

— Но, — попыталась сказать командир первой эскадрильи Надя Федутенко, — у нас уже есть боевой опыт…

— Верно. Я сегодня наблюдал за вашими посадками. Неплохо. Но летать строем вы не умеете.

Даже шушукавшиеся Катя и Маша примолкли и насторожились. Им казалось — что-что, а летать строем они могут.

— Ваш строй годится над аэродромом, а не в воздушном бою. Если вы хотите воевать и побеждать, остаться живыми, то все это зависит только от отличного строя в боевых порядках.

«Штык-то штык, а говорит дело, — думала Женя. — Без строя нельзя. Посбивают сразу».

— Сталинградская операция закончилась, и, я думаю, нам дадут некоторое время для тренировок. А теперь, на сегодня, все, — неожиданно закончил командир полка.

Расходились по землянкам молча, пораженные столь кратким совещанием.

— Вот уж и вправду штык, — повторила Кагя слово, которое сразу стало известно в полку. — Увидел сегодня моего стрелка-радиста и говорит: «А сапоги-то у вас поржавели».

— А с вами иначе нельзя, — строго сказала Женя. — Забывает кое-кто, что у нас боевой полк, а не аэроклуб.

— Мы же стараемся, комэск, — оправдывалась Катя. — Ну, бывает иногда…

— Плохо стараетесь.

А новый командир полка, подложив под голову летный планшет, укладываясь спать на классной доске, на которой еще виднелись старые записи мелом, спрашивал своего штурмана

Никитина:

— Что скажешь, Николай Александрович?

— Да дело не так уж плохо, товарищ майор. Необычно только как-то… Я проверял штурманов перед совещанием. Район полетов знают хорошо, расчеты делают быстро. А бомбометание проверим.

— Да, нелегкая у нас с тобой задача… Мне хочется, чтобы они поверили: все, что я требую, — это для их же пользы. Что прилетели мы с тобой сюда не только воевать, но и учить. А на совещании смотрю на них и вижу такие злые взгляды…

— Обойдется, товарищ командир. Начнем летные тренировки, и все станет на место. Поверят вам.

— Да уж деваться нам с тобой некуда. Или грудь в крестах, или голова в кустах, как говорится.

За тонкой дощатой перегородкой, разделяющей дом пополам, слышался шорох разворачиваемых карт, тихий разговор. Командиры в штабе готовились к новому летному дню. От мороза потрескивали стены дома.

4

Внизу плыли облака. Холмистая пелена тянулась почти до горизонта. Налево, к востоку, она была тонкой, почти прозрачной. Кое-где облака расползались, и тогда, как в глубоком колодце, внизу проплывала земля: край зеленеющего поля, лесок, тоненькая завитушка речки.

Наверно, тысячу раз за многие годы работы до войны в Гражданском Воздушном Флоте видела Женя и облака, то ровные, как заснеженное поле, то громоздящиеся фантастическими башнями. И землю с разливами рек и ширью полей, прикрытых туманной дымкой. И небо, иногда блеклое, будто выцветшее от палящих лучей солнца, иногда синее, холодное. Но каждый раз она видела все эго будто впервые.

Женя взглянула наверх. Через прозрачный колпак кабины было видно облако, пухлое, с хвостиком, развеянным ветром. Оно казалось неподвижным, будто приклеенным над головой. «Какое смешное облако, — подумала Женя. — Все время летит с нами».

Странно, но в таких вот обычных, не боевых полетах Женя чувствовала себя гораздо спокойнее, чем на земле. Каждая минута на земле требовала ее вмешательства в чьи-то дела, проверки, занятия, разбора полетов. Даже вечерами она была во власти всех дневных дел, обдумывая их и составляя планы на завтра. Но вот в минуты, когда четкий «клин» девятки самолетов идет позади нее, а вверху теплое, синее небо со смешным,

приставшим к строю облачком, на нее снисходило ощущение покоя, будто все заботы и волнения оставались внизу.

Управление самолетом сейчас не требовало от нее большого напряжения, она почти машинально чуть-чуть иногда «поправляла» полет машины, и ей казалось, что самолет летит сам. Изредка Женя взглядывала на указатель скорости, выдерживая режим полета.

Сегодня полк совершал дальний перелет на Северо-Кавказский фронт с базы, где после боев под Сталинградом проводилось несколько летнотактических учений. Настороженность и недоверие, с которыми она встретила появление нового командира полка, постепенно исчезали, и теперь Женя и сама, подражая командиру, выговаривала летчикам, плохо летавшим в строю.

— Вот я тебе! Что это ты болтаешься в стороне? А ты? Выруливала на старт, словно молоко в бидонах на рынок несла. Вылет по тревоге или на танцы собираемся?

Никто из нас не обижался. Отводили глаза в сторону, теребили ремешки планшетов, но все считали: справедливо, что тут возразишь…

…Впереди, чуть ниже, шла девятка самолетов первой эскадрильи, и фонари их кабин поблескивали под косыми лучами утреннего солнца. Облачность неожиданно оборвалась, точно обрезанная ножом, самолеты первой девятки исчезли из вида на пестром фоне земли, только тени от них бежали по зеленеющим полям.

— Как идем? — повернулась Женя к своему штурману Вале Кравченко. — Прилетим вовремя?

— Нормально, — ответила Валя, отмечая что-то на карте. — Кажется, уклоняемся немного от курса, за Доном исправим.

Справа по курсу вдруг взбухло серовато-белое облачко разрыва зенитного снаряда, потом второе, третье…

— Они белены, что ли, объелись! По своим бьют, растяпы, — чуть окая, скороговоркой сказала Женя, следя за плывущими рядом дымами разрывов.

Наверно, зенитчики опять нас за Ме-110 приняли. Дай сигнал «свой самолет».

Действительно, некоторые зенитчики, прикрывавшие тыловые объекты, еще мало знали самолет Пе-2 и принимали его за немецкий Ме-110. «Пешка» по своим очертаниям была похожа на него, да и гул моторов смахивал на гул чужих самолетов.

Женя качнула крылом вправо раз, другой. Разрывов больше не стало, видно, на земле поняли свою ошибку.

Внизу, перечеркивая блестящей лентой горизонт, показался

Дон. Станицы, нанизанные на его берега, стояли в белом тумане цветущих садов. Все эти места, проплывавшие под самолетом и дальше на юг, до самых отрогов Кавказского хребта, были знакомы Жене. Несколько лет перед началом войны она работала инструктором в школе «слепых полетов» Гражданского Воздушного Флота в городе Минеральные Еоды. Облетала этот район сотни раз, могла вести самолет здесь без карты, в любую погоду. Родные места… Только летела она сегодня на фронт.

«Вот и хлеб посеяли… — подумалось Жене, когда за Доном показались полосы хлебных полей. — Только отгремели бои, а хлеб уже в колос пошел. Хорошо…» И она вдруг явственно почувствовала запах цветущего хлебного поля, чуть пыльный хлебный запах, знакомый с детства, с тех пор, как она себя помнила.

…Холщовая сумка, перекинутая через плечо, била по коленям, Женя шла следом за матерью, подбирая оставшиеся после покоса колоски. Колкое жнивье больно ранило ступни, и она старалась ставить ноги между рядками. Ногам горячо от нагретой земли, пахло хлебом и солнцем, где-то в вышине звенел жаворонок… Невдалеке, на берегу запутанной речки Колокши, виднелись почерневшие крыши домов небольшой деревушки Пьянцино. За деревней начинался лес, темный и таинственный.

Отец Жени, как почти все взрослые мужчины их деревни, с малых лет работал на ткацкой фабрике в Иваново. Он появлялся дома только по праздникам, и тогда за столом усаживалась вся большая семья. Во главе стола сидел дед Егор Иванович, и все шестнадцать человек внимательно следили за тем, чтобы чья-либо рука не потянулась к огромной миске со щами раньше, чем было положено по заведенному порядку.

— Таскать! — негромко говорил дед, и шестнадцать ложек одна за другой осторожно доставали со дна миски крошечные кусочки мяса. Иногда Жене удавалось из-под руки матери незаметно, как ей казалось, выхватить кусочек раньше других, но тут следовал грозный окрик деда:

— Положь на место, толстой пузырь! Постарше тебя есть!

И Женя покорно несла ложку обратно.

Отец вернулся с империалистической войны контуженным и раненным. Но в бурные месяцы революции ушел добровольцем в отряд милиции, воевал с белобандитами на Украине. А когда возвратился, опять стал работать на фабрике.

Однажды он шел домой по проселку, петлявшему между желтеющих полей, часто останавливаясь, чтобы унять донимавшую его одышку. Невдалеке, среди поля, он неожиданно увидел маленькую, коренастую фигурку. Круглое скуластое лицо

раскраснелось от зноя, редкие кустики бровей хмурились от напряжения. Девочка неумело взмахивала косой и приговаривала про себя:

— Жми на «пятку»… жми на «пятку»…

Он узнал в девочке дочку, сел у края межи и заплакал. Вспомнил, как учил Женю косить, как вот так же приговаривал «жми на „пятку“», а дочка все никак не могла понять, что «пятка» — это у косы, и все притоптывала ногой.

— Батяня?! — оглянулась Женя. — Ты чего это? Что так рано приехал?

— Совсем занемог я, дочка. Доктор сказал: отдохнуть надо… А помощников у меня ты одна, старшая. Что без меня делать с матерью будете да с малыми ребятишками?

— Я крепкая, выдержу. — Женя сдула капли пота, щекотавшие губы. — Ты, батяня, не тревожься.

— Учиться тебе надо, вот что. Теперь без учения нельзя. А ты вот машешь косой вместо меня.

Отец настоял на своем. Осенью уехала Женя в Юрьев-Польский в няньки. Там и училась. По утрам бежала в школу, пока хозяйка была дома, а после занятий сидела с детьми. Ставила хозяйка чугунок с похлебкой в печь и уходила на фабрику. Женя приглядывала за малышами и урывками учила уроки.

По вечерам, переделав домашние дела, укачивая самого маленького, она читала остальным тоненькую книжку, которую получила вместе с башмаками к Новому году.

— «Купила мать Миньке новую рубаху, с малыми ребятами гулять пустила»…

Так прошло три года. Окончила Женя школу, получила от хозяев пальто за работу и уехала в Иваново. Ей хотелось попасть на ту же фабрику, где работал отец, но стояло трудное время, работы на фабриках не было. Несколько месяцев подряд приходила Женя на биржу труда, выстаивала длинную очередь с рассвета до темноты, да так и уходила ни с чем.

Однажды, когда очередь разошлась, Женя осталась у крыльца дома. «Не пойду отсюда, — решила она, — буду сидеть, пока не дадут какой-нибудь работы. Жить у дяди „на хлебах“ стыдно уже, хоть и не попрекают бездельем, и с ребятами вожусь, и по дому…»

Она постояла немного, потом решительно постучала в фанерное окошко.

— Тебе чего? — Фанерка отодвинулась, и она увидела заведующего биржей труда.

— Работу жду, — сердито ответила Женя.

— Нет сегодня работы.

— А я вот сяду здесь и буду сидеть. — Женя решительно уселась на ступеньки крылечка. — Мне работать надо, который месяц хожу сюда, — продолжала она, — а ты все завтра да завтра…

Заведующий посмотрел на нее с любопытством.

— Ишь ты какая! Упрямая, видать, девка. Ну, вот что, я правду говорю. Фабрику начинаем строить, новую. Что делать умеешь?

— Все умею, — еще не веря его словам, ответила Женя. Неужто она нашла работу? — Где хошь буду работать.

— Вот и приходи завтра. А как фабрику построим, учиться станешь, станок дадим.

Женя бежала домой, не чуя под собой ног. У нее есть теперь работа! «А с получки племянникам гостинцы буду приносить, — весело думала Женя, шлепая по лужам, — и а деревню поеду, вот батяня обрадуется!»

На стройке фабрики Женя действительно делала все: копала ямы под фундамент, месила глину, таскала доски. А через год стала Женя у прядильной машины. Среди работниц она была самой грамотной — как-никак окончила семь классов, — вступила в комсомол, и ее выбрали комсоргом цеха. Прошел еще год, и однажды, придя домой, Женя бережно положила на стол красную книжечку с надписью: ВКП(б).

— Хвалю… хвалю… — поглаживая усы, сказал дядя и, расстегнув грудной карман, вынул и положил рядом на стол свой партбилет.

— Теперь в доме у нас двое партийных. Слышь, мать, — повернулся он к жене. — Очередь за тобой.

— И-и, — ответила та, — у меня вон она, партия. — Кивнула в сторону печи, с которой виднелись головы ребятишек. — Только в рот и носи.

…Как-то Женя зашла в завком по цеховым делам.

— Поедешь учиться, Тимофеева, — сказал секретарь. Он смотрел на нее таинственно и многозначительно. — На бюро решили: послать тебя. Получили, — он помахал бумажкой, — восемь путевок на город, и нам досталась одна. Думали, думали, и вот…

— Куда учиться?

Командир эскадрильи Евгения Тимофеева.

— На летчика. Будешь ты у нас первый летчик с фабрики — помнишь, как тот парень, что прилетал прошлым летом в город? И кожанку носить станешь.

— Подумаешь, тоже… Кожанку какую-то… — Женя растерялась от неожиданности, и у нее застыло сердце. Кто из девчонок втайне не мечтал в те дни о полетах как о чем-то необъяснимо необыкновенном?

— Так что ж, поедешь?

— А ты думал — откажусь?

Это было в 1931 году…

Мать всплеснула руками, когда Женя перед отъездом в Тамбовскую школу побывала в деревне.

— Куда еще? Работаешь ведь, что выдумала-то?!

А отец, задыхаясь и растирая грудь, говорил:

— Ай да Женька, ай да пузырь толстой! Молодец! Молчи, мать, подумай: летчиком Женька станет, а?

А старший племянник Жени решил все по-своему. К вечеру, когда Женя уже собралась уезжать, мать втащила его в избу за руки.

— Поглядите на него! Стоит у столба и копеечку просит! Стыдобушка на всю деревню, побирушка у Тимофеевых появился. Ты что удумал-то, горе мое великое?

— Копеечек соберу, Женька с нами останется, не поедет… — отворачиваясь от взглядов, шептал новоявленный побирушка. —

Как без Женьки…

Сначала рассмеялась Женя. Потом, уразумев, в чем дело, закашлялся от смеха отец. Потом в избе смеялись уже все от мала до велика, а Женя, вытирая глаза, сказала:

— Ах ты, комарик… Я ведь учиться еду, не на заработки.

Иногда Жене казалось, будто бы и не она, замерзая в пальтишке на «рыбьем меху», заколов булавкой потертую юбчонку, залезала в кабину первого в своей жизни самолета.

«Что ты делаешь, телячьи твои глаза! — кричал ей инструктор Ян Кузин. — Это тебе не лопата!»

Будто и не она обморозила ноги в дырявых башмаках и голодала, ведь помощи из дому не было никакой, и тот же Ян принес ей однажды валенки. Вспоминала, как из семи девчонок осталась к концу выпуска только она одна, и инструктор, щелкнув ее пальцем по носу, сказал: «Я из тебя летчика сделаю, будешь летать, как бог в Одессе!»

Где Одесса и какие там боги летают, Женя не знала, но овладеть летным искусством старалась изо всех сил. Что скажут на фабрике, если она тоже не выдержит и вернется ни с чем? «Выдюжу, — упрямо убеждала она сама себя. — Уж я-то выдюжу…»

— Профессия летчика не терпит полулюбви, она требует всего человека, всех его знаний, мыслей. Не любя, нельзя стать летчиком настоящим, не отдаваясь этому делу полностью, без остатка, без искреннего желания. Такая уж это профессия… — так говорил ей Ян Кузин.

Потом Женя сама стала инструктором. Теперь она не смогла бы сказать, сколько прошло через ее школу курсантов первоначального обучения, пилотажа и «слепых» полетов. Вон и командир первой эскадрильи, что идет по курсу впереди, Надежда Федутенко — ее ученица, и многие летчики, которые летят рядом с ней, старательно выдерживая интервалы в строю, — тоже ее ученики.

…Эскадрильи подлетали все ближе к фронту. Вдалеке показалась синяя лента Кубани с подступающими к ней темными контурами не то облаков, не то клубящихся вершин гор. Ведомые прижались еще теснее, а самолеты Клавы Фомичевой и Вали Матюхиной, идущие слева и справа, казалось, вот-вот заденут консолями крыльев самолет Жени.

— Хорошо идут, а? — кивнула головой в сторону самолетов Валя.

Женя оглянулась и сделала «свирепое» лицо, помахала кулаком им обеим. Потом заулыбалась и тихо сказала:

— Со-обаки…

«Собаки» — любимое слово Жени. Она произносила его не зло, даже весело, как и другое, придуманное ею самой — «клюндя». Точного значения этого слова в ее устах никто не знал, но смысл для всех нас был ясен: эх ты, растяпа, размазня.

— Вот со-обаки… — повторила Женя, и в ее голосе звучали нежность и снисходительность любящей матери к рано повзрослевшим детям.

* * *

— Что за кордебалет был в воздухе после взлета? — выговаривала Женя сердито, прохаживаясь вдоль выстроенной эскадрильи. — Ты что болталась в стороне, будто тебе было боязно к строю подойти? — остановилась она рядом с Валей. — Уж не ожидала от тебя!

— Так ведь, комэск, собрались вовремя… — раздался чей-то голос из второго ряда строя.

— Разговорчики!

В строю замолчали. Валя смотрела в сторону, пряча глаза.

У Жени плохое настроение. За день эскадрилье удалось сделать только один вылет, да и тот для нее вышел неудачным: после взлета пришлось сесть с бомбами на аэродром. Командир ничего не сказал ей, только посмотрел осуждающе, когда узнал об этом после возвращения с боевого задания. За ней начнут садиться с бомбами и другие летчики, а это не каждому и не всегда может сойти благополучно. Но Жене так не хотелось бросать пару пятисоток в болото — место, специально предназначенное для сброса бомб при вынужденной посадке. Бомб и так не хватало.

— Жалко, — сказала тогда она Вале, когда стрелка указателя оборотов правого мотора медленно стала откатываться налево. — Вылет у нас с тобой пропал. Придется возвращаться на аэродром.

— Сделай побольше заход, я бомбы сброшу.

— Погоди… Я попробую сесть. С ними столько провозились, пока подвешивали, да и таких бомб мало.

— Давай попробуем, — неуверенно ответила Валя.

Легко сказать: «Попробуем…» Тонна бомб да полные баки горючего… При «жесткой» посадке, малейшем толчке бомба может сорваться с замка, и тогда от них останутся одни воспоминания. Но…

— Выпускай шасси, буду садиться.

Четвертый разворот перед заходом на прямую она сделала подальше, чтобы моторами при необходимости «подтянуть»

самолет. Колеса коснулись земли почти неслышно, и машина, плавно покачиваясь, побежала вдоль полосы. Валя с тревожным ожиданием смотрела назад: вдруг мелькнет позади самолета блестящее тело сорвавшейся бомбы.

— Порядок… — сказала Женя и подрулила к опустевшим стоянкам. — Как бог в Одессе…

Но настроение было все же испорчено: эскадрилья ушла на боевой вылет без командира, да и при сборе над аэродромом получилось не все точно: на маршрут группа ушла не таким плотным строем, как бы хотелось Жене.

— Держаться надо от взлета до посадки, — заправляя выгоревшую на солнце прядь под пилотку, продолжала перед строем Женя. — Тебя, Валя, уже раз сбили, дождешься второго. Все, — словно подводя черту, заключила Женя. — Разойтись по самолетам и готовиться к завтрашнему вылету. Боевая задача уже получена.

Майское небо раскаленным куполом висело над аэродромом. Редкие дожди едва смачивали пожухшую траву. Экипажи расходились по машинам. Кое-кто, оглядываясь на комэска, сворачивал к дощатому сарайчику, где всегда продавали молоко. Молоко к вечеру скисало на жаре, но и любителей простокваши было достаточно. После зимних полуголодных дней это было единственным лакомством, в котором мы себе не могли отказать.

— Телята… — усмехаясь, сказала Женя. — Пойдем и мы с тобой заглянем туда?

— Пойдем, — ответила Валя. — Вылетали, не поев как следует. А вылет был жарким.

Жарким был не только этот вылет. Весь май полк бомбил укрепленные пункты «Голубой линии» — станицы Киевскую, Крымскую, Неберджаевскую. Летали сравнительно спокойно, надежно охраняемые истребителями сопровождения. За месяц боев у нас не было потерь, кроме подбитого самолета Вали, но редкий вылет проходил без воздушного боя с истребителями противника. «Мессеры» висели на разных высотах в районе целей и вдоль линии фронта с зари до темноты.

5

Уже с рассвета было ясно, что день будет жарким, как и все предыдущие дни. Над неостывшими за короткую ночь моторами колыхался горячий воздух. Обе эскадрильи ушли в боевой вылет. Цель оставалась старой: несколько дней мы бомбили долговременные укрепления у станицы Крымской.

Полковая колонна из двух эскадрилий шла по знакомому

маршруту, изредка уклоняясь так, чтобы солнце оставалось позади строя. Оно помогало нам: в слепящих его лучах можно было подойти к цели незаметно. Женя шла справа от командира полка и должна была, как заместитель, в любую минуту заменить его, если по каким-то причинам он выйдет из строя. И хотя до этого момента ее роль ограничивалась ролью обычного ведомого, она внимательно следила за всеми маневрами командира полка. Училась и запоминала.

Вот он чуть сбавил скорость — впереди по курсу заметались огненные трассы «эрликонов», повисли на бледно-голубом небе ватные облачка разрывов орудий среднего калибра. Самолет командира скользнул вправо, и строй послушно и легко повторил его маневр.

«Вот как надо. Ни позже, ни раньше. И спокойно. А бомбит он здорово…» — вдруг вспомнила Женя.

Несколько дней назад, когда в боевой работе был перерыв — ждали бомбы и горючее, — командование приказало провести учебный вылет: командиры всех полков соединения должны были сами произвести бомбометание на полигоне. Майор полетел в качестве штурмана с Женей.

— Что, Евгения Дмитриевна, — говорил командир перед вылетом, — справимся? Не посрамим земли русской?

— Не посрамим, товарищ командир, дух вон — но на боевом курсе выдержу режим полета до метра.

И действительно, за это учебное бомбометание командир получил от командования соединения золотые часы — награду. Все три бомбы попали точно в круг полигона.

… — Боевой курс! — прервал ход мыслей Жени возглас Вали Кравченко. Но уже за несколько секунд до того, как она услышала слова команды, по тому, как словно замер самолет командира, Женя поняла: встали на курс к цели. Теперь главное: скорость, высота, компас. Не смотреть, как рвутся снаряды, не видеть кружащихся неподалеку истребителей. Руки на штурвале и секторах газа почти интуитивно удерживали машину метрах в десяти от ведущего самолета. Иногда, мельком, она замечала выскочившие из-под строя пары «мессеров». Женя узнавала их по прямым, словно обрубленным крыльям, но взгляд ее снова цеплялся за крыло самолета командира, с заплаткой на старой пробоине у самого конца.

Раз! Раскрылись под фюзеляжем бомболюки, и почти сразу, как показалось Жене, медленно, словно нехотя, вывалились из люков бомбы.

— Бомбы! — отрывисто скомандовала Женя.

— Вижу! Пошел! — откликнулась Валя. В наушниках

шлемофона голос ее прозвучал тоненько, почти по-детски.

После возвращения и посадки, когда на самолеты спешно подвешивались бомбы для второго вылета, а летный состав уточнял расположение новых целей, командир полка отвел Женю в сторону.

— Ну, Евгения Дмитриевна, теперь поведешь группу ты. Пойдет только одна «девятка». После первого вылета восемь самолетов с повреждениями, кроме одного запасного, больше машин нет.

Женя ждала этого момента: вести самой свою эскадрилью. Но так неожиданно!.. До сих пор командир летал ведущим группы сам. А вот теперь она будет на его месте. Справится ли она? Как сложится обстановка в воздухе над линией фронта и над целью?

— Тебе все понятно?

— Да, товарищ командир.

— Главное — строй. Помни об этом. Имей в виду и то, что погода может измениться, в облака не лезь, растеряешь группу.

— Понятно.

— С тобой полетит старший штурман Никитин, — добавил командир.

— Отвечать-то за выполнение задания мне. Разрешите собрать летчиков.

— Ненадолго, скоро вылет.

После короткого инструктажа о характере цели Женя медленно, заложив руки за спину и чуть косолапя, пошла вдоль строя.

— Кому что не ясно в задании? Запасные аэродромы и площадки для вынужденных посадок знаете?

— Знаем, давно наизусть выучили, товарищ комэск, — раздались в строю голоса. — Первый раз, что ли…

— Ишь ты! Храбрые какие! Хоть в двадцатый, а в любую минуту надо знать, куда посадить подбитый самолет. Это первое. А во-вторых, еще раз напоминаю: строй и строй. В первом вылете, — она взглянула на одну из летчиц, — какой у тебя интервал был над линией фронта?

— Два размаха на две длины.

— Плохо считаешь. Ты плелась в пятидесяти метрах.

— Так это же недолго, всего минуту, может быть, Болтало здорово, — пыталась та оправдаться.

— Держаться в строю надо от взлета до посадки. Взмокнешь, а держись, взрывом швыряет — держись, болтает — все равно держись. Понятно? Кто не может или не хочет выполнять этот закон, от полетов на боевой вылет будет отстранен.

Женя не переставала удивляться действенности

придуманного ею наказания. Даже не самого наказания — отстранение от вылетов еще ни разу не применялось, — просто угрозы применить его. Казалось бы: не лететь на боевое задание — это не видеть сверкающих огненных стрел трассирующих пулеметных очередей «мессеров», очередей, которые в одно мгновение могут «прошить» самолет, и он огненным факелом пойдет вниз, к земле. Не чувствовать запаха порохового дыма, волнами заполняющего кабину, не слушать, как самолет вздрагивает под осколками снарядов.

Не лететь на боевое задание — это лишний шанс остаться в живых. Наконец, это просто отдых от жесточайшего нервного и физического напряжения, которое испытывает летчик в боевом вылете.

А все же, не было горше и суровее наказания для девушек, как замечала Женя, чем отстранение от полета. Видеть глаза друзей, отправляющихся в бой, разгоряченные лица после посадки, слышать шумные комментарии вылета и чувствовать, что ты не сделала сегодня главного, для чего ты здесь, на фронте. Что лишняя тонна бомб осталась неиспользованной по твоей вине, а может быть, именно она, эта твоя бомба, была бы решающей в вылете!

Ощущать сдержанность подруг, с которыми ты не разделила минуты смертельной опасности, отгородилась от нее своею слабостью или неумением — все это было тем главным — Женя хорошо это поняла, — что заставляло летчиков перешагивать даже физические возможности.

— По машинам! Запуск моторов и выруливание по ракете, не копаться, взлетать будем звеньями, по три самолета.

* * *

К полудню с отрогов Кавказского хребта поползли облака, и уже на маршруте Жене пришлось вести свою группу значительно ниже, чем указывалось в боевом приказе. Она чувствовала досаду и тревогу оттого, что условия с самого начала полета усложнялись. Бомбить из-за облаков, если даже будут над целью «окна», бессмысленно и опасно: можно попасть по своим войскам, уж очень близко к передовой были цели для бомбометания. Оставался один выход: снижаться и идти под облаками. Но какая высота будет над целью? Сумеют ли они отбомбиться или придется возвращаться домой с бомбами?

Облачность прижимала к земле. Женя плавно ввела самолет в разворот и начала снижаться. Капли дождя заструились по стеклу

кабины, гул моторов стал глуше. Группа рассредоточилась, слева и справа мелькали в космах облачности ведомые самолеты. Впереди по курсу облачность спускалась еще ниже, заволакивая дождем подножье гор.

— Ты, Тимофеева, не волнуйся, — сказал, наклонясь к прицелу и замеряя направление ветра, штурман Никитин. — Буду делать расчеты на бомбометание с планирования.

— С чего ты взял, что я волнуюсь? — Женя сама не заметила, как назвала старшего штурмана на «ты». — Думаю, как уходить будем. Кромка облаков пристреляна зенитками, нельзя вверх. Уходить со снижением — высоты мало, да и на своих бомбах подорваться можно. Сам предупреждал… Обстановка!.. — тихо протянула Женя со вздохом. — Хуже некуда.

Она не могла предположить, что воздушная обстановка только начинает осложняться, что самое сложное будет впереди, когда понадобится вся ее Еыдержка и опыт.

По расчету времени группа уже подлетала к линии фронта. Женя уселась поудобнее, натянула потуже перчатки — даже в жаркую погоду она их не снимала. Оглянулась назад, проверяя, как идут ведомые. Самолеты шли плотно, едва не касаясь консолями крыльев. Справа шло звено Маши Долиной — три самолета. Они шли чуть ниже, приготовясь к развороту на цель. Ведомые Маши — двое «галоидов» Тоня Скобликова и Маша Кириллова — старательно выдерживали интервалы и превышение.

«Хорошо держатся, — подумала Женя, — вот так бы над целью…»

Впереди уже были видны огненные полосы, несущиеся с земли: стреляли скорострельные пушки. Женя прикидывала, как бы провести группу между ними, но на такой высоте с земли будет стрелять все, что может стрелять, и она повела эскадрилью с плавным разворотом так, чтобы на боевой курс — прямую перед целью — осталось минимальное время, только то, которое необходимо для прицеливания.

Она еще раз оглянулась: необычная пустота в воздухе вокруг самолетов эскадрильи заставила ее насторожиться. И вдруг она поняла: ни справа, ни слева вокруг эскадрильи она не заметила ни одного нашего истребителя, хотя еще несколько минут назад, перед входом в облака, они кружились рядом, иногда выскакивая впереди ее самолета, и, перевернувшись в «петле» или «бочке», снова уходили под строй.

— Наши истребители позади, что ли? — спросила она штурмана.

Никитин приподнялся от прицела и оглянулся назад.

— Наверно, ввязались в бой и отстали, — предположил он. — Будем надеяться, что догонят группу. Ты не волнуйся, Евгения Дмитриевна. Не могут они оставить бомбардировщики без прикрытия.

— Что ты меня все успокаиваешь?! Не волнуйся, не волнуйся… С чего ты взял? — Она сильно нажала кнопку вызова стрелка-радиста.

— Слушаю… — раздался в наушниках голос.

— Всем экипажам: не отставать ни на метр. При выходе подбитого самолета из строя его место немедленно занимает другой.

— Передаю.

Линия фронта дала о себе знать вспыхнувшим вдруг со всех сторон огнем. Снаряды рвались вокруг строя, словно нащупывая тот момент, когда ахнувший взрыв превратит самолет в груду охваченных пламенем обломков. Светящиеся, такие безобидные издалека шарики «эрликонов» цепочкой неслись навстречу. Женя маневрировала, уходя то чуть вверх, под облачность, внезапно отворачивала то вправо, то влево, старалась проскользнуть в редкие просветы между разрывами. Ее внимание было настолько занято маневром, что она сначала не поняла, о чем докладывает радист.

— Что у тебя? — переспросила она его.

— Группу атакуют восемь Ме-109! — услышала Женя.

«Ну, вот и началось… Все сразу. И истребителей наших нет, и уйти некуда, на себя только и рассчитывай… Сейчас „мессеры“ начнут строй разгонять, а потом по-одному сбивать. А тогда конец, немногие вернутся домой…» Сейчас она не могла ни подсказать, ни помочь. В горячке воздушного боя ее команды могли запоздать, все сейчас решали секунды. Она надеялась, что опыт прошлых боев, ее бесконечные наставления помогут выстоять ее девчонкам. Но где-то внутри росло беспокойство, заставляющее оглядываться по сторонам, чтобы убедиться в том, что все самолеты идут на своих местах.

— Хорошо держатся, — доложил штурман, — Пока я веду огонь, придерживайся курса, — он взглянул на компас и назвал курс. — Можешь маневрировать еще минуты две-три. Потом станем на «боевой».

Женя не видела атак вражеских истребителей, «мессера» заходили сзади, атакуя «девятку» сверху и снизу. Они старались подойти к группе так, чтобы попасть строго в хвост самолета, в «мертвый конус», где их не мог достать пулеметный огонь штурманов и стрелков-радистов. Женя помнила об этой тактике и, отворачивая самолет то вправо, то влево, чуть «задирала» нос

машины, или вдруг легко, на несколько секунд переводила ее в снижение. Только так она могла сейчас помочь своим ведомым.

— Где самолеты? — отрывисто спросила Женя. — Скобликова на месте?

Тоне Скобликовой тяжелее всех. Она идет в строю самой крайней — внешней ведомой. Стоит ей чуть замешкаться на развороте — и она отстанет от группы. Пусть на короткое время, но этого будет достаточно, когда атакует столько «мессеров».

— Все в строю, — сквозь дробь пулеметной очереди услышала Женя голос штурмана. — Скобликова на месте. На самолете Федотовой бьет бензин.

«Уже, — подумала Женя с горечью. — Быстро они начали…»

Беда не в том, что бьет бензин, хотя само по себе это большая неприятность. Беда в том, что самолет мог вспыхнуть в любую секунду, а Кате надо продержаться еще минут десять. Она не может выйти из строя, ей надо отбомбиться, да и обороняться от атак «мессеров» легче рядом с друзьями.

Женя снова оглянулась, но самолеты, следуя ее маневру, то опускались, то поднимались, как на невидимых волнах, и она не увидела самолет Кати.

— Где Федотова?

— Держится, — донесся бесстрастный голос штурмана.

«А я на днях Тоню Хохлову, стрелка-радиста Кати, отчитывала, — вспомнила вдруг Женя. — Наелась где-то ягод тутовника, и у нее язык распух. Так и надо, сказала я ей тогда, болтать меньше будешь… Вот клюндя я, и зачем ругала… им-то вон как нелегко приходится…»

— На самолете Долиной горит правый мотор, — услышала она опять голос штурмана. — Мы сбили два «мессера». Атакуют снова.

— У Маши?!

Но штурман уже приник к прицелу. Группа выходила на боевой курс. Жене хотелось спросить штурмана о Маше, но прозвучала его команда:

— Боевой! Курс 282!

Теперь Женя не сможет уже ни оглянуться, ни спросить штурмана о ведомых: она не сможет помочь и стрелкам: она должна выдержать режим бомбометания. Никаких маневров, никакого спуска или набора высоты. Стрелки приборов должны стоять неподвижно.

«Лево пять градусов! Еще чуть-чуть! Так держать! Так держать», — говорила она сама себе, стараясь отогнать мысли о Маше и Кате. Еще две-три минуты, и Женя сможет опять маневрировать. Если бы девчонки выдержали эти минуты в

строю! Горят ведь! Не струсят ли и, бросив машину вниз, помчатся к земле, к линии фронта? Что с ними будет?

Она не могла ни повернуться, чтобы увидеть самолеты, ни спросить о них штурмана: его нельзя сейчас отвлекать, он у прицела и тоже не видит идущих позади ведомых.

Впереди справа, почти рядом с ее самолетом, мелькнул Ме-109, и Женя в одно мгновение увидела черные кресты на обрубленных крыльях и пригнувшуюся фигуру летчика. Черный дым бил снизу самолета.

«Еще один горит!» — хотелось ей крикнуть. На носу и на верхней губе выступили капли пота, стекали вниз по подбородку. Было неприятно и щекотно, но она не смела даже тряхнуть головой, чтобы сбросить их. Внизу мелькали обрывки облаков, квадратики станицы медленно ползли по красной курсовой черте, проведенной по прозрачному полу кабины.

Почти рядом с консолью левого крыла рванулся снаряд. Черный дым смешался с набежавшей облачностью, в кабину пахнуло порохом, и у Жени запершило в горле.

«Скоро ли? Что-то сегодня, как никогда, долго мы летим на боевом курсе… Или мне кажется?»

Она раньше почувствовала, прежде чем услышала, команду штурмана. Самолет легко подбросило вверх на несколько метров.

— Бомбы сбросили! Фотографирую!

Еще минута… Долгая, как осенний тоскливый день…

— Как ведомые? — не выдержала Женя.

— На местах, — оглянулся на мгновение штурман. — Все на местах.

Высотомер показывал шестьсот метров. «Только бы не растерялись… Еще немного, и они могут выйти из строя. Успеет ли выпрыгнуть экипаж Маши с парашютами? Или попытаются сесть?» Женя не думала сейчас о себе, о том, что и она в любую минуту тоже может быть прошита пулеметной очередью. Такая мысль просто не приходила ей в голову. Ей хотелось крикнуть девчонкам: «Держитесь!», — может быть, даже погрозить кулаком, они ведь все смотрят сейчас только на ее самолет и видят ее, но Женя машинально продолжала следить за стрелками приборов, едва осознавая, как нестерпимо ноют плечи.

Атаки истребителей продолжались. Из облачности вывалилась еще одна группа «мессеров», они замелькали совсем рядом, словно иглами прокалывая строй эскадрильи со всех сторон.

— Сколько же их всех?!

— Не знаю, много…

— Конец режима! — добавил штурман. — Разворот!

Женя облегченно вздохнула. Теперь ей не нужно было держать свое внимание только на приборах, и она оглянулась впервые за эти тяжелые минуты. Справа она увидела самолет Маши Долиной. На ее машине горели уже оба мотора. Зловещее пламя било снизу, охватывая фюзеляж, неслось огненной струей к хвосту самолета. Рядом с ней, прижавшись, летел самолет Тони Скобликовой, позади него тянулась прозрачная полоса: выливался бензин из пробитого бака.

Женя уменьшила скорость. Стрелка на приборе уперлась в отметку 300. Меньше нельзя. Но и это облегчит летчикам подбитых машин полет в строю. Почти незаметно, с небольшим креном ввела она свой самолет в разворот, то уменьшая скорость, то чуть выходила вперед, сама подстраивалась к ведомым. Слева дымил самолет Ольги Шолоховой, дальше, рядом с ней, за машиной Кати Федотовой тоже тянулась белая полоса. Бил ли это бензин или стлался дым позади, Женя не смогла разглядеть. У нее заныло сердце. Четыре экипажа!

«Сгорят! Если пламя на самолете Маши перекинется на перкалевые рули глубины, машина станет неуправляемой. Тогда экипажу не выбраться!»

Все еще оглядываясь, она переключила переговорочное устройство и вызвала радиста. В наушниках шлемофона зазвучал тревожный сигнал.

— Передай Долиной: немедленно выйти из строя, экипажу покинуть самолет на парашютах!

Линия фронта прошла внизу, и через несколько секунд Женя под своим самолетом через прозрачный пол увидела горящий самолет Маши. «Мессеры» продолжали атаковать его. Почти вслед за Машей вышли из строя Катя Федотова и Гоня Скобликова, а через несколько секунд самолет Ольги Шолоховой, качнув крылом, резко ушел под строй. Только пять оставшихся самолетов продолжали лететь рядом, все так же тесно прижавшись друг к другу.

Облака по-прежнему давили к земле скучным, серым покрывалом. Мелькали внизу потемневшие поля и овраги. Только слева, почти касаясь земли, плыла раздутая темная туча. Женя молчала. На доклад штурмана о том, что задание выполнено и бомбы легли точно в цель, едва кивнула головой.

«Наверное, я не справилась как ведущий, — с тоской думала она. — Потерять в одном воздушном бою четыре самолета! А может быть, и четыре экипажа! Такого в полку еще не было…»

Женя почти не сомневалась, что потеряла все четыре машины: найти подходящую площадку, а в лучшем случае выйти на один из прифронтовых аэродромов, не растеряться и посадить

подбитые или горящие машины было делом нелегким даже для опытных летчиков, много летавших. А ее девчонки…

«Хоть бы живы остались… Катя… Маша… Маше хуже всех, не выпрыгнут на такой высоте, не успеют…»

Моторы уныло и надрывно гудели в тон ее мыслям. И вдруг совершенно неожиданно всплыли в памяти строчки из письма, которое она получила утром. Тогда, занятая подготовкой к вылету, она только бегло просмотрела его. А теперь последняя строка, написанная детскими каракулями, кричала каждой буквой: «Мама, я тебя любу!..»

Женя отвернулась, чтобы штурман не увидел ее глаза.

6

Когда самолет снова подбросило, Катя Федотова не обратила на это внимания. Она шла так близко от командира звена, что оглядываться по сторонам не имела ни малейшей возможности: того и гляди врежешься в другой самолет. Она прислушивалась только к гулу моторов, но моторы тянули ровно и сильно, и волноваться не было причины. Не запоздать бы только с командой, когда откроются люки на ведущей машине. Позади нее раздавались пулеметные очереди: штурман Клара Дубкова стреляла почти без перерыва.

— Кать! — раздался голос стрелка-радиста Тони Хохловой, или, как звали ее по-свойски, Тоши — «начальника хвостового оперения».

— Какая еще Катя? Сколько раз тебе говорить, как обращаться в полете?

Тоша даже поперхнулась от непривычно-резкого тона командира. Через несколько секунд она доложила снова:

— Товарищ командир! Бензин бьет!

— Откуда? Из-под мотора или с плоскости?

— С левой плоскости, сильно…

— К тебе в кабину не забивает?

— Пока нет.

— Ладно, следи. «Мессеры» наседают?

— Откуда только берутся… — сквозь треск разрядов услышала Катя в наушниках шлемофона. Взгляд ее скользнул по приборной доске: стрелка бензиномера тихонько скатывалась влево.

«Хватило бы только до посадки, а так — что ж…»

Самолет снова подбросило, и Катя почти повисла над соседним самолетом. Она чуть отвернула и убрала скорость, «втискиваясь» снова в строй. На машине ведущего уже были

открыты люки.

— Эй, штурман! — крикнула она Кларе. — Приготовься, люки открыты. — И почти сразу добавила: — Бомбы!

— Присматривай аэродром, — сказала Катя, когда штурман поспешно закрывала люки после бомбометания. — Сразу за линией фронта будем садиться. — А про себя подумала: «Уйду от „мессеров“, обману как-нибудь».

Среди летчиков Катя выделялась прямолинейностью суждений и особенной независимостью, неунывающим характером. Она и летала так: легко и весело, словно каждый полет доставлял ей огромное удовольствие. Небольшие синие глаза смотрели всегда с озорным любопытством. Но эта «легкость» совсем не говорила о легкомыслии, небрежности. Это была легкость мастерства. В ее летной книжке, после многочисленных проверок техники пилотирования командиром эскадрильи, стояли одни «пятерки», и Женя, скупая на похвалу, нередко говорила: «Молодец! Летаешь, как бог в Одессе!».

Когда Тоша передала команду выйти из строя, Катя немного помедлила и, увидев, что истребители, после очередной атаки, ушли вверх, резко перешла в пикирование, имитируя сбитый самолет. Машину она вывела почти у самой земли.

— Клара, аэродром давай! А то в поле придется садиться!

— Правее по курсу должна быть площадка для истребителей. Может быть, дотянем. — Прищурившись, вглядывалась Клара в мелькающую внизу землю. — Давали ев нам как запасной аэродром, значит, по длине должна годиться для нашей «пешки».

— Дотянем на самолюбии… Не забудь открыть кран кольцевания.

В том, что она посадит самолет, Катя ни капли не сомневалась. Пусть только площадка будет хоть чуть-чуть приспособлена для посадки самолетов такого типа. В крайнем случае развернется в конце пробега на сто восемьдесят градусов, шасси выдержат, да и тормоза на машине сильные…

— Площадку видишь? — спросила Клара, пригнувшись и нащупывая кран кольцевания. — Вон, «Яки» взлетают.

— Вижу… Тоша, передай на землю, чтобы полосу не занимали… Уходить на второй «круг» не буду. Как ты там? Не заливает?

— Ничего… — ответила Тоша. — Течет помаленьку… Садись.

Самолет выскочил под углом к аэродрому. Катя сделала «горку», чтобы набрать немного высоты, для расчета на посадку.

Аэродром истребителей — узкая укатанная полоска с замаскированными ветвями «Яками» с одной стороны поля и кучкой домов хутора, огороженных плетнями, у дальнего

конца, — мелькнул внизу, и Катя даже на глаз не смогла определить длину полосы, но она увидела овраг там, где кончался аэродром.

— Ну, братцы, держись, идем на посадку. Авось, не «промажем», не то окажемся в овраге.

Она не стала делать положенной коробочки для расчета на посадку, а, круто «срезав» на вираже угол четвертого разворота, вышла на «прямую». Катя рассчитывала сесть у самого начала полосы, не у посадочного знака, а гораздо ближе, чтобы иметь хоть небольшой запас для пробега самолета после посадки.

Край плетня, по которому Катя выдерживала направление, бежал навстречу. И вдруг из-за дома показался тягач. Он медленно выезжал наперерез самолету.

— Катя, справа трактор! — крикнула Клара. — Осторожнее!

— А-а… Дьявол его возьми! Откуда взялся?

«Успею раньше него на полосу или нет? Успею!» — решила Катя.

За крылом самолета она не видела тракториста, бросившегося ничком в траву. Колеса самолета прошуршали по земле, самолет бежал, подпрыгивая на кочковатой полосе.

— Тормози, Катя, — сказала Клара, — овраг впереди.

— Я помню.

Когда самолет закончил пробег, стрелка бензиномера лежала на ноле.

— Вовремя мы плюхнулись, — сказала Катя, заруливая в сторону. — Второй круг не вышел бы у нас. Повезло…

Она остановила самолет рядом с замаскированным «Яком».

Никто не бежал, чтобы узнать, чей самолет приземлился: мало ли садится машин, передовая совсем рядом.

Катя тоже не торопилась разыскивать командный пункт, надо было просто передохнуть, прийти в себя после полета.

— Вылезай, братцы, на родную землю, будем считать пробоины.

Едва Катя, Клара и Тоша вылезли из своих кабин, как шум идущего на посадку самолета привлек их внимание.

Это тоже была «пешка». Она приземлилась так же, как и Катя, гораздо ближе посадочных знаков. Струя бензина тянулась далеко позади самолета.

— А ведь это Тоня Скобликова! Эй, давай сюда! Мы здесь! — закричала радостно Катя, размахивая руками.

Тоня, конечно, не слышала криков Кати, но, заметив стоящую неподалеку «пешку», подрулила к ним, недоумевая, что за танец дикарей отплясывают, взявшись за руки, трое у самолета.

Тоню и ее штурмана Анку Кезину едва не вытащили за ноги

из кабины.

— Дайте отдышаться! — взмолилась Тоня. — Руки отваливаются…

Небольшого роста, пухленькая Тоня, ласково прозванная «пончиком», была удивительно спокойной и рассудительной в любых случаях — будь это разбор полетов или воздушный бой. Она всегда все помнила и примечала, даже, казалось, самые незначительные моменты боя.

— Я видела, ты с Машей пошла рядом, — сказала Катя, когда, сняв парашюты, все уселись под самолетом. — Не заметила, где она села?

— Мы шли вместе, потом она пошла вниз, наверно, садиться будет, прыгать им уже нельзя было — высота метров триста, а кругом «мессеры», расстреляли бы. Их самолет сильно горел, успели бы… сесть.

— Носов не вешать и глядеть вперед! — шутливо пропела Катя. — Лишь бы площадка подходящая попалась, а уж Маша Долина приземлится, будьте уверены.

— Если успеет… — заметила Тоня. — Ну, что ж? Ремонтировать сами будем машины? У тебя что случилось?

— Двадцать две пробоины Тоша насчитала. Левый бензобак пробит.

— У меня тоже, по-видимому. Сейчас проверим. Если бензопроводы целы, можно заглушками отсоединить баки. А бензин залить только в центральный, хватит до дому долететь, а?

— Точно, — ответила Катя. — Тоша, давай-ка поищи подходящие деревяшки, пока мы вскроем с Тоней плоскости и найдем пробоины.

Пока они вдвоем, сначала на самолете Кати, потом на Тониной машине, с помощью отвертки снимали листы обшивки на плоскостях, каждая из них старалась скрыть свою тревогу о Маше: Тоня — за немногословностью и той пунктуальностью, с которой она складывала вывернутые шурупы, Катя — под напускной оживленностью. Но от бодрого голоса Кати Тоне хотелось плакать.

Сегодня она первый раз в жизни видела, как горит самолет в воздухе. Тоня летела рядом и ничем не могла помочь подружке, с которой еще до войны начинали вместе летать в Херсонской школе пилотов. Тоня и полетела рядом с Машей, когда они вышли из строя, для того чтобы Маша видела: она не одна, Тоня прикроет ее огнем своих пулеметов какое-то время… Потом самолет Маши факелом понесся вниз… «Жалко девчонок, — вздыхая и смахивая слезы, чтобы никто из экипажа не заметил, грустно думала Тоня, — хоть бы успели сесть, пока самолет не

взорвался, да и где садиться придется и как…»

— Не надо, Тоня, у меня самой на душе муторно… — Голос Кати звучал глухо, и в нем не было слышно недавней бодрости. Она ощупывала рукой вскрытый бензобак, прижавшись лицом к теплой обшивке крыла. — Подай-ка лучше заглушку. Кажется, бензопровод цел, — Катя вздохнула и сползла вниз на землю по скользкому крылу.

Экипаж самолета. Слева направо: штурман Галя Маркова, стрелок-радист Ваня Соленов, командир экипажа Маша Долина.

7

Голос стрелка-радиста заставил Машу оглянуться.

— Товарищ командир, правый мотор горит!

Радист Ваня Соленов говорил спокойно, по-волжски напирая

на звук «о», так, словно докладывал о чем-то обычном, и Маша сразу не поняла: говорит ли он об их самолете или о чьем-то другом? Но, взглянув еще раз, увидела тонкую полоску дыма, потянувшуюся за правым крылом.

— Штурман, мотор горит… — сказала Маша.

Я слышала доклад радиста, но в это время на перекрестии прицела моего пулемета показался «мессер», и я не ответила Маше. Я стреляла длинными очередями, забыв о том, что надо беречь патроны, что бой только начался, не думала о горящем моторе и о том, что каждую секунду Маша может крикнуть мне:

— Куда садиться?

Перед выходом на боевой курс мы договорились с Машей, что она скомандует мне, когда откроются люки на самолете командира эскадрильи. Самой мне прицеливаться некогда: со всех сторон шли в атаку истребители противника. Снова длинная очередь… За темным силуэтом Ме-109 потянулся хвост дыма, потом мелькнуло пламя, и он, «штопоря», пошел к земле.

«Неужели попала?! Может быть, и не я, сейчас ведут огонь все девчонки… Какая разница! — радовалась я, — Все-таки мы сбили одного!»

Я не могла заставить себя удержаться и стрелять короткими очередями, хотя чувствовала, как перегрелся ствол пулемета. Вот из-за киля хвоста показался нос истребителя, я быстро развернула пулемет на турели, истребитель распластался по всей черте прицела. «Хорошо, — думала я, — уж теперь-то я тебя достану…» Пальцы нажали шершавую гашетку, но пулемет молчал.

С каждой секундой «мессер» в прицеле становился все больше и больше, мои пальцы с силой давили на спуск, но безрезультатно… Может быть, просто осечка? В растерянности я заглянула в прорезь патронного ящика, там блестели гильзы патронов. Торопливо дернула ручку перезарядки, она шла туго, и я почти повисла на ней. Наконец-то! Но я уже не успела дать очередь, истребитель ушел вниз, а из-под капота левого мотора поползли язычки пламени. Какое-то время я завороженно смотрела на него, бросив пулемет.

— Люки! Люки! — услышала я голос Маши. — Что ты там мечтаешь!

Я не мечтала. Открыла люки, и тут смысл случившегося вдруг ясно представился мне: горели оба мотора…

Стало холодно, словно после стакана студеной воды. Бомбы еще в люках… Успеем ли?

— Ты видишь, Маша?

— Вижу… Стреляй.

Больше мы не говорили ни о чем. Мы сами еще не знали, что

будем делать через пять — десять минут. Огонь на моторах словно отрезвил меня, теперь я стреляла короткими очередями, почти машинально отсчитывая расстояние по черточкам прицела: двести метров, сто пятьдесят… сто… Горел еще один истребитель, и я на мгновение оглянулась. Огонь гладкой струей срывался с крыльев и исчезал в клубах черного дыма. Успеем ли сбросить бомбы? Мне не терпелось поскорее сбросить их, словно освободиться от грозящей опасности, а другая опасность — горящий самолет — уходила из моего сознания.

Потом сбросила бомбы, когда услышала команду Маши, и снова кинулась к пулемету. Как в карусели, все вертелось перед глазами: сверкающие черточки трассирующих очередей, внезапно выскакивающие истребители сверху падали на строй, и на облачном сером небе ясно был виден огненный пунктир огня, земля внизу качалась и поднималась кверху, когда Маша глубоким креном удерживала самолет во время очередного взрыва зенитного снаряда, вспыхнувшего рядом.

Потом мой пулемет замолк. Напрасно я тянула ручку перезарядки: патронный ящик был пуст. Незакрепленный пулемет «ездил» по турели то вправо, то влево, но я не обращала на это внимания. Теперь он был бесполезен.

— Будем садиться? — с надеждой спросила я Машу. Мне очень не хотелось прыгать вниз с парашютом в такую «кашу», где запросто нас расстреляли бы еще до приземления. Может быть, успеем? Маша взглянула на высотомер, потом на горящие моторы.

— Садиться. Приготовься и давай площадку.

Лицо у нее строгое и озабоченное. Во взгляде темных глаз — решимость и готовность. Нет и следа от той Маши-непоседы, которую я знала вот уже два года. Над нами мелькнули самолеты эскадрильи. Потом мы потеряли их из виду, только рядом вдруг оказалась машина Тони Скобликовой.

— Уходи! Уходи! — махнула ей рукой Маша.

Нам видно лицо Тони, Она успокаивающе кивнула головой, потом с креном ушла в сторону и исчезла внизу.

Почти тотчас над левым крылом у нас «повис» Ме-109. Маша попыталась уйти вниз, но он, как привязанный, следовал за нами, разглядывая и что-то показывая нам.

— Вот гад! Добивать сейчас будет, — зло бросила Маша и толчком отдала штурвал от себя: самолет вошел в пике. Но мы не могли сильно терять высоту: неизвестно, как долго придется искать место для посадки.

Истребитель немного отстал, перевернулся через крыло и снова пристроился почти рядом: видно, решил не тратить много

патронов и расстрелять нас с одной очереди. Я в растерянности смотрела то на Машу, то на зловещие черные кресты. Потом неожиданно мой взгляд упал на ракетницу в «гнезде», на полу кабины. В одно мгновение я выхватила ее и, просунув в прорезь рядом со стволом пулемета, выстрелила навстречу «мессеру».

Огненный шар разорвался прямо перед ним, самолет как-то нервно дернулся и круто взмыл вверх.

— Машенька, — крикнула я, — ушел! Испугался! Подумал, наверно, что оружие какое-то новое!

Ракетница все еще дымила у меня в руках, и я торопливо всовывала новую ракету. Вдруг «мессер» вернется? Но его нигде не видно. Маша выровняла самолет из крена. Огонь уже затягивало в кабину, запах горящего бензина забивал дыхание. Теперь мы смотрели только вперед, приглядывая — хоть маленький — клочок ровного поля, где бы могли приземлиться.

— Смотри, смотри, — торопила меня Маша. — Надо садиться немедленно! Мы и так долго испытываем судьбу.

Сбросив на пол кабины парашют, я вглядывалась в мелькающую внизу землю: овраг, кустарник, пригорок. Наконец, справа показался небольшой пятачок скошенного луга. Аэродром? Но я не помнила, чтобы здесь был аэродром. Может быть, только посадочная площадка? Нам подходила и она, ведь мы садились на фюзеляж, самолет было уже не спасти, и незачем выпускать шасси. Все лучше, чем в поле…

— Справа площадка, садись!

Почти над землей Маша ввела самолет в разворот, и вот уже зеленый кружок луга стремительно бежал навстречу нам.

— Фонарь не сбрасывай, огонь перекинется в кабину, — услышала я тревожный голос Маши. — На посадке придержи меня… Вылезать будем через лючок… Фонарь может заклинить при ударе…

Астролючок чуть поменьше обычной оконной форточки. Я открыла его и придерживала рукой. Потом мои действия стали почти машинальными, но они в тот момент словно высветлены каждой секундой, приближавшей нас к земле… «Поставить пулемет на крепление — при посадке он может сорваться и стукнуть в спину… Расстегнуть замки у парашюта Маши — на земле будет поздно возиться с ними…» Только замок на левом бедре я не могла достать и оставила его закрытым, чтобы не мешать Маше на посадке. «Так, сделано… — быстро подсказывала мысль. — Теперь отсоединить шлемофоны — длинный шнур может захлестнуть, и не выберешься… Следить за люком, чтобы не захлопнулся… Держать Машу за лямки парашюта, не то ударит-ся головой о приборную доску…»

Самолет необычно низко летел над землей. Казалось, что мы уже давно должны коснуться земли, а толчка все не было и не было… Маша выключила моторы и тянула ручку пожарного крана. «Молодец, — мелькнула мысль. — Не забыла…»

Скрежет металла о землю, раздираемую огромным телом самолета… треск и грохот закрученных лопастей винтов, бьющих в последнем усилии, взорвавшийся огонь, закрывший все вокруг…

Потом все стихло. Слышно было лишь шипенье горящего металла. Мы замерли на мгновение. Кажется, целы…

— Быстрей! — крикнула Маша.

В кабине темно от дыма. Через несколько секунд я почувствовала, что задыхаюсь. Задержала дыхание, пошарила руками по бронеспинке и наткнулась на ноги Маши. Она еще не выбралась, наверное, зацепилась за что-то или не пролезала в лючок… «Скоро ли? Долго ли я смогу не дышать?» Минуту, не больше, это я знала. Иногда, шутки ради, мы устраивали состязание: кто дольше выдержит? Больше минуты у меня никогда не получалось… Ну, что там случилось?

Скорей, скорей! Обхватив руками ноги Маши, я подталкивала ее вверх… Еще усилие, и моя голова и плечи, почти следом за Машей, высунулись из лючка. В одно мгновение я вылетела из него: меня рывком, словно пробку, выхватили руки Маши и Вани Соленова.

— Бежим быстрее!

Мы отбежали в сторону. За спиной прогрохотал взрыв, слышен был треск рвущихся снарядов.

— Центральный бензобак взорвался, — тяжело дыша, сказала Маша. — И патроны сейчас стрелять начнут, у меня на пулеметах ведь почти целый боекомплект…

Мы взобрались вверх по железнодорожной насыпи и в изнеможении опустились на поросшие травой шпалы. Метрах в двадцати от нас, внизу, распластав крылья, лежал наш самолет, Пламя огромным костром поднималось к небу. Из огня вдруг вылетела ракета и с воем закружила по земле. Мы молчали, равнодушно и устало глядя, как пламя пожирало остатки машины. В голове никаких мыслей, только шум и звон.

— Хорошо сели… — рассеянно заметила Маша, — еще немного — и врезались бы в насыпь!..

Да, от самолета до насыпи несколько десятков метров. Не рассчитай Маша точно посадку, быть бы нам уже в «мире ином»…

— Забыла прицел вытащить… — вдруг вспомнила я, — успела бы…

Маша в недоумении смотрела на меня.

— С ума сошла… Какой прицел?

— Мой, для бомбометания. Галина Михайловна говорила: дорого стоит. Пока я ждала, когда ты вылезешь, могла бы отсоединить его и взять.

Инженер по вооружению полка Галина Волова действительно говорила что-то подобное, но почему мне пришло это в голову в тот миг? Разве у нас была просто «вынужденная» посадка? Не знаю, но мне стало ужасно жаль сгоревший прицел.

Маша пожала плечами и отвернулась, словно услышала бессмыслицу, о которой не стоило даже говорить.

Напряжение первых минут постепенно проходило, и мы начали разглядывать друг друга. Лицо Маши в пятнах копоти; клочья разорванного комбинезона едва прикрывали ее ноги.

— Соленчик, что с тобой? — спохватилась Маша, увидев, что Ваня прижал ладонь к плечу, — Ты ранен?

— А-а, так, царапнуло…

Своего стрелка-радиста мы звали «Ванечка» или «Соленчик». Да и по-другому просто немыслимо его назвать. Он небольшого роста, даже ниже Маши, голубые глаза в светлых, выгоревших ресницах смотрели всегда застенчиво и робко, говорил Ваня медленно, чуть запинаясь, и всегда неудержимо краснел.

— Давай перевяжу. — Маша потянулась к нему, расправляя носовой платок.

— Не надо… — слабо запротестовал Ваня. — Так пройдет, — Даже под слоем сажи видно было, как пунцовый румянец заливал щеки Вани.

— Вот еще! Ты что это командиру не подчиняешься? — Маша туго затянула его плечо. — Это ты с нашим доктором спорить будешь, а со мной — не выйдет. Вон, смотри, «рама» появилась, нас, видно, приметила. Еще бомбить начнет.

Действительно, в небе над нами висела «рама» — Фокке-Вульф — 189, спокойно делая круг за кругом над площадкой.

— Это она не нас высматривает, — сказал Ваня, — вот это, наверно.

Мы огляделись вокруг и заметили по сторонам луга кое-как замаскированные самолеты. Но не настоящие боевые машины, а грубо сколоченные из досок и бревен макеты.

— Ложный аэродром, — добавил Ваня, — вот куда мы приземлились. Поэтому и «рама» висит, высматривает. Вдобавок наш самолет тут сел, вот они и думают, что тут настоящий аэродром.

— Ваня прав, — сказала Маша. — Пора уходить отсюда, а то еще бомбить прилетят, и нам ненароком достанется.

Мы поднялись и, бросив прощальный взгляд на догорающие

обломки машины, медленно зашагали по шпалам. Кругом тихо и безлюдно. Покрытые ржавчиной рельсы терялись в густой траве, свежие воронки от авиабомб чернели по сторонам насыпи.

— Ну, штурман, — обратилась ко мне Маша, — давай-ка курс, куда нам идти.

— Аэродром тут должен быть километрах в десяти, — прикинула я на карте, — туда и надо идти. Оттуда и в полк можно сообщить, что мы целы.

Уже затемно мы вышли к аэродрому. На краю летного поля, как-то отдельно от других самолетов, стояли две машины Пе-2.

— Может быть, это наши? — нерешительно сказала Маша. — Давайте подойдем.

Невдалеке от самолетов мы остановились и прислушались. Слышен был тихий говор, потом неожиданно раздалось громко:

— Тоше ужин не давать, она свой бортпаек давно съела!

Это голос Кати Федотовой. Неунывающий голос, такой родной, что у меня вдруг гулко застучало сердце.

— Вот идолы, — прерывающимся от волнения голосом, тихо шепнула Маша, — обжоры ненасытные… Уже едят…

Мы незаметно подошли и в изнеможении повалились в тесный кружок под изумленное и радостное «О-о-о!»

Потом мы лежали рядом, все три экипажа, под крылом самолета. Тишина нарушалась лишь легким гулом пролетающих над нами ночных бомбардировщиков По-2. Изредка, когда заходили на посадку, они помигивали бортовыми огнями. Среди высыпавших звезд они — как беспокойные красные и зеленые светлячки в этом тревожном небе.

Спину и плечи ломило от усталости, запах горелого бензина пропитал все: одежду, руки, волосы, и от этого запаха подкатывала к горлу тошнота. Хотелось выбросить из памяти все, что произошло в тот день: бой, огонь, посадку. Но события навязчиво ползли в сознание, проворачиваясь в памяти, как фильм в замедленной съемке. Вдруг всплывал «мессер», подкравшийся из-за киля и полоснувший очередью по мотору, и я чувствовала дрожь моего пулемета, то вспоминались крылья с черными крестами над головой, то ракета, вертящаяся юлой вокруг горящих обломков…

Голова скатилась с парашюта, и я прижалась лицом к земле. Покрытая росой трава холодила лоб, пахло чем-то давно знакомым: то ли ромашкой, то ли мятой… «Страшная война, — пришла мысль, — страшная… Сегодня всех нас уже могло не быть… всех, кто лежит сейчас рядом со мной. А все равно воевать надо; если не мы, так кто же? Это Женя нас сегодня вывела из пекла, хороший у нас комэск…»

— Женя беспокоится теперь… — услышала я тихий голос Кати и приглушенный вздох. — Не спит она, наверно.

— Завтра на рассвете вылетим и дома будем, — ответила ей Тоня Скобликова. — Уже скоро, ночи теперь короткие…

8

Впервые за время боевых действий эскадрилья не пронеслась, как обычно, над аэродромом на небольшой высоте, возвещая об успешном вылете… И моторы гудели надрывно и тревожно. Не было привычной четкости и точности при заходе на посадку. Приземлившись, рулили к стоянкам медленно, точно стараясь оттянуть тревожные расспросы встречающих.

Женя приземлилась последней. «Лучше бы и я не вернулась сегодня, чем сейчас смотреть всем в глаза… — думала она, заруливая самолет к своему капониру, — Хоть беги куда-нибудь…»

— Ну, докладывай, — хмуро сказал командир полка, когда Женя подошла к командному пункту. — Что произошло? Где остальные экипажи?

Женя, сдерживая волнение, точно и кратко доложила о полете. Она не упомянула лишь о четырех сбитых «мессерах», чтобы командир не подумал, что она хочет сгладить как-то горечь потери четырех экипажей.

— Куда ушли подбитые самолеты? Место приземления заметили?

— Из самолета Долиной никто не выпрыгнул, место посадки остальных «засекли» приблизительно. Они ушли в сторону от нашего курса.

Командир молчал, разглядывая носки своих сапог, и изредка подергивал шеей. Потом, взглянув исподлобья на Женю, сказал:

— Что ж, Евгения Дмитриевна, ты действовала в воздушном бою так же, как решал бы эту задачу и я… Я не виню тебя… А потери… Сама же любишь говорить, что не на танцы прилетели: на войну. Вылет на вылет не приходится. В строю как держались?

— Все шли отлично, товарищ командир.

— Вот поэтому и выиграли вы бой. Я считаю, что выиграли сами, без помощи наших истребителей.

— Мы сбили четыре «мессера», — добавила Женя. — А летчики, я думаю, справятся с посадкой, если даже в поле придется сажать машины.

— Будем надеяться…

До сумерек никто не уходил с аэродрома. Ждали, строили вероятные и невероятные предположения. Экипажи не

возвратились…

* * *

Ночь прошла в тревожном ожидании: вдруг раздастся телефонный звонок, сообщающий о найденных самолетах. Но звонили по другим делам, а о пропавших экипажах ничего не было известно. На рассвете Женя отправилась на аэродром. Тихо шла вдоль стоянки, выслушивала рапорты механиков и так же медленно брела дальше. Около пустого капонира, где всегда стоял самолет Кати Федотовой, сидел, обхватив голову руками, техник Андрей Иванович Наливайко. Обычно, подготавливая самолет к вылету, он весело приговаривал: «Та ты ж моя красавица! Та вона ж любить чистоту та заботу!»

Машина у него была всегда в идеальном порядке, а на носу кабины он нарисовал летящую ласточку. Теперь он только хмуро поприветствовал Женю.

Рядом другой капонир, тоже пустой, а дальше еще…

— Не вздыхай так тяжело, — услышала Женя голос Клавы Фомичевой, своего заместителя. — Сама тревожусь, но чувствую: вернутся девчонки, и все тут! — Шагая рядом с Женей, Клава продолжала: — Хорошо вчера держались! Ты только подумай: сбили четыре истребителя, И помощи никакой, сами справились.

Женя, заложив руки за спину, остановилась у пустого капонира:

— Хорошо тебе говорить. Вот станешь командиром эскадрильи, узнаешь. Сама начнешь самоедством заниматься. И то, кажется, не успела и другое…

— А ты, Женя, здорово вчера вела строй. Я б, наверно, не выдержала — прибавила скорость.

Подошли к краю стоянки. У последнего капонира Женя, примяв папиросу, закурила.

— Выдержала, когда бы знала, что за тобой еще восемь самолетов. А прибавила бы — не вернулся б никто. Дело не в том, чтобы поскорее уйти, а в том, чтоб все были вот! — Женя сжала кулак, — Тогда и защищаться легче. На большой скорости не удержаться в строю подбитым самолетам, они отстанут и будут верной добычей «мессеров». Кажется, все просто, а знала бы ты, как это тяжело и сложно!

Над краем аэродрома, там, где начиналась железнодорожная насыпь, показался блестящий ломтик солнца. Женя прислушалась: где-то на подходе к аэродрому летел самолет. Легкий пульсирующий звук приближался с каждой секундой.

— Кто это летит так рано? — Клава тоже прислушалась. — Женя, послушай, ведь это определенно «пешка»!

Звук самолета слышался совсем ясно, и Клава бросилась бежать к выложенному стартовому полотнищу.

— Да погоди ты, Клава! — крикнула Женя. — Ну куда помчалась! Отсюда увидим, кто прилетел.

Над крышей командного пункта показался Пе-2. Самолет прошел над стартом совсем низко, плавно развернулся, и Женя отчетливо увидела на фюзеляже номер. Четырнадцатый! А на кабине — летящая ласточка.

— Женя! Катя прилетела!

— Вижу! Ишь, истребитель какой появился, фокусы над аэродромом показывает. — Женя старалась скрыть свое волнение под напускной ворчливостью. — Ну… я вот тебе… — Она погрозила пальцем.

Самолет сел и, быстро развернувшись, порулил к стоянке. От капонира, размазывая слезы на смуглом лице, бежал напрямик через взлетную полосу к рулящему самолету Андрей Наливайко.

— Андрей Иванович, нельзя же так…

Он не слышал слов Жени. Он бежал и видел только свою «ласточку» и озорные глаза Катюши Федотовой.

Остановились лопасти винтов. Хлопнул люк, полетел вниз на землю парашют. Легко выпрыгнула, едва коснувшись подножки, штурман Клара Дубкова. Девушки удивленно глядели на сбежавшийся аэродромный народ:

— Вы чего это так переполошились?

— Да ведь думали, что вас сбили!

— Ну да, сбили! Били, да не добили, не так просто! На самолете повреждение было, вот и сели на истребительный аэродром.

— Как бы не так — сбили! — Из верхнего люка второй кабины показалась голова стрелка-радиста Тоши. — Мы еще повоюем!

Увидев подошедшую Женю, Катя доложила:

— Товарищ командир! Экипаж самолета номер четырнадцать задание выполнил! Из-за пробоин в бензобаках пришлось садиться на первый попавшийся аэродром. Сели нормально.

— Это я уже вижу. А другие экипажи? Не видели, что с ними?

— Все в порядке, комэск! Скобликова сейчас будет здесь, мы почти вместе сели. И Долина…

— Маша жива?!

— Живы, живы, комэск! Все живы.

— Да вот, Тоня заходит на посадку!

— Кто же вам машину ремонтировал?

— Сами, товарищ комэск. — Катя потупилась. — Такие вещи, конечно, делать не полагалось, но… Не сидеть же нам! Сделали деревянные заглушки и всунули их в пробоины.

— И с такими заглушками ты нам сейчас здесь бреющий полет демонстрировала? Ох, доберусь я до вас!

Женя легонько хлопнула ее по затылку. Все рассмеялись. Потом, как по команде, повернулись в сторону железнодорожной насыпи: на посадку заходила еще одна «пешка».

Теперь уже все бросились бежать через полосу к приземлившейся машине. Из кабины спрыгнули Тоня и Маша со своими экипажами.

— Ну и «галогены»… — тихо сказала Женя. — Как же ты их всех втиснула? — повернулась Женя к Тоне.

— В тесноте, да не в обиде. Не бросать же их одних. Долетели потихоньку.

— А парашюты у всех были? — Женя строго посмотрела на обнявшихся подружек.

— Мы свои не надевали. — Тоня засмеялась. — У Маши-то парашюты сгорели, вот мы и решили лететь на равных.

— А если бы «мессеры»?

— Ушли бы на «бреющем»…

— Со-оба-ки… — протянула, улыбаясь, Женя. — Вот со-баки… — Она вздохнула глубоко и облегченно.

И занимавшийся день показался ей таким светлым и радостным, словно сулил не следующий бой, а покой и безмятежность.

«Ну, Женька, и счастливая же ты… Подумать только! Все вернулись! Дорогие мои девчонки… умницы вы мои!..»

Волна нежности нахлынула в сердце, но Женя, погасив улыбку, растягивающую непроизвольно рот, сдержанно сказала:

— Ну ладно, если машины успеют отремонтировать, пойдете в боевой расчет, не успеют — отдыхать.

— Та мы ж тут скоренько, — подал голое Наливайко.

— А что нам отдыхать, — тряхнула Катя головой, — мы хоть сейчас готовы.

Женя кивнула и медленно пошла к дальнему краю аэродрома. Она шла, как всегда, заложив руки за спину, чуть сутулясь, опустив голову. Мы заметили, как Женя сняла пилотку и вытерла ею лицо.

— Хорошая у нас комэска… — сказала Маша, насупив черные ниточки бровей. — Пусть побудет одна.

* * *

Женя вышла к дороге, накатанной вдоль старого, заброшенного сада, по-утреннему пустынной, с прибитой ночной росой пылью. Стала, опершись о шершавый ствол дерева. Отсюда хорошо был виден весь аэродром. Суетились около самолетов механики и мотористы, вдоль полосы бежала полуторка-стартер для запуска моторов, из-за дальних хат станицы шел строй девушек. Сквозь негустую еще, блестящую листву дерева синело небо, такое высокое и прозрачное.

Она стояла и слушала, как легкий утренний ветер пробегал по верхушкам деревьев, пропадал вдалеке, и снова наступила мягкая тишина утра. От станицы потянуло кизячным дымком. «Вишня скоро поспеет… — подумала Женя, разглядывая рассыпанные среди листвы ягоды. — Уже краснеет…»

Издалека послышался приглушенный звук заработавшего мотора. Он то замирал на мгновение, то снова нарастал мощно и грозно. «Пора мне. Скоро могут дать боевую задачу».

…К вечеру возвратился и экипаж Оли Шолоховой; она была ранена, но сумела посадить горящую машину и спасти экипаж.

* * *

Через несколько дней в штаб полка пришел информационный бюллетень боевых действий авиации. В бюллетене сообщалось: эскадрилья Пе-2 под командованием Е. Д. Тимофеевой при выполнении провождения сумела провести воздушный бой с группой истребителей противника. В бою экипажи эскадрильи сбили четыре Ме-109, потеряв при этом только два своих самолета. Этот опыт говорит о том, что наши бомбардировщики, при хорошем строе и четкой обороне, могут выполнять боевое задание без прикрытия истребителей сопровождения и побеждать, даже если противник превосходит их в количестве самолетов.

Начиналось лето сорок третьего…